В горах пощады нет

Автор:
Сергей Самаров

В горах пощады нет

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

Подполковник спецназа ГРУ Артем Тамаров заключен в следственный изолятор по обвинению в непреднамеренном убийстве. Но не стал офицер спокойно дожидаться окончания следствия и надеяться, что правосудие во всем разберется по закону справедливости. Он устроил побег. Более того – он захватил с собой арестованного подполковника грузинской разведки Бессариона Мерабидзе, который занимал соседние нары. Оба офицера, преодолевая засады, ловушки и бешеный натиск поисковых групп, бегут в сторону Грузии, на территории которой Мерабидзе гарантирует русскому безопасность и поддержку. Правда, Бессарион пока еще не знает, что все это – хитрая и тонко продуманная операция ГРУ…

Сергей Самаров

В горах пощады нет

ПРОЛОГ

– Сидеть ты уже сидишь, так что присаживайся… – хрипло и развязно сказал кто-то из почти темного угла. Кровать верхнего яруса перекрывала свет тусклой лампочки, и потому в углу на нижнем ярусе было темновато, а человек забился в

самый угол и только ноги на пол свесил. – Пожитки свои можешь вон туда забросить… Привыкай… Твоя шконка…

Он показал ногой на верхний ярус соседней двухъярусной кровати. Свободной была только шконка второго яруса. И туда сразу легла легкая спортивная сумка. Пришедший сумку не забросил, а поставил аккуратно. К нему присматривались двое.

Человек в камуфлированном, почти военном костюме, но без погон, освободившись от сумки, настороженно, словно упасть опасался, присел на табурет. Он сразу обратил внимание, что табурет в этой камере, в отличие от других камер, к полу не привинчен. И это слегка настораживало, потому что табурет, если его хорошенько ухватить, становится опасным оружием. Но в принципе нападать на него никто не должен был бы, и потому человек особо не опасался. Хотя в СИЗО может случиться всякое: кто-то авторитет свой поднимает провокациями, кто-то просто пошутить, мягко говоря, грубо любит, и вполне могут подсунуть табурет, с которого сразу свалишься. В этот раз обошлось. Табурет выдержал бы и более тяжелого человека. А что касается его использования в качестве оружия, то он оказался не в чужих руках, а как раз рядом с руками новичка. Следовательно, и здесь он себя обезопасил.

Вертухай уже поворачивал ключ с обратной стороны двери.

– Вертухай какой-то новый… И вообще, тебя что-то парами водят… Особо опасный, что ли? Или нас тобой напугать хотят? – спросил другой «местный житель», обладатель сильного кавказского акцента.

– Вертухай с нашего этажа… – не проявляя робости, сказал человек в камуфляжке и двумя ладонями устало потер лицо. – Провожал, прощался, сердечный… Кто только таких родит?! Не поверю, что нормальные женщины… Иначе навсегда уважение к женщинам потеряю…

– Ты думаешь, на нашем этаже козлы лучше? – усмехнулся первый и сильно закашлялся. Так сильно, что вынужден был себя в грудь постучать, словно боль из нее выбивал.

– За что переселили-то? – спросил «местный житель» с кавказским акцентом.

– Затопило их… – проявил знание ситуации первый и снова кашлянул.

– Ты «кляпало»[1 - «Кляпало» (блатной жаргон) – рот.], когда кашляешь, ладонью прикрывай… – строго сказал третий, лежащий на боку, лицом к стенке, на противоположной шконке.

Сказал и не повернулся даже, чтобы на нового сокамерника посмотреть, который этажом выше место иметь будет.

Голос у третьего спокойный, тихий, без угрозы, почти просящий. Но первый тут же рот ладонью прикрыл. И движение это было чуть испуганным, как сразу отметил новичок.

После этого в камере некоторое время тишина стояла, словно бы произошло нечто такое, что всех из колеи выбило. Потом третий «местный житель» повернулся и сел, кряхтя, коротко глянул на новичка, оценив за мгновение, и почти равнодушно спросил:

– Какая, говоришь, статья?

– «Сто пять»[2 - «Сто пять» – статья 105 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за умышленное убийство.]…

– Солидно… Можешь, кстати, и представиться. Я – Станислав Михалыч. Можно попросту – Михалыч. Если еще проще, то – Михалый… Меня так все зовут, даже вертухаи, я привык…

Он был уже человеком в возрасте, почти полностью седым, и смуглая кожа вместе с загаром седину только подчеркивали.

– Подполковник Тамаров, спецназ ГРУ… Был подполковник… Уже не буду…

– Не зарекайся…

– Точно…

– Ладно… Это еще солиднее, – заметил Михалый. – А имя у тебя, подполковник, есть?

– Артем Василич я…

– Короче говоря, подполковник Тема… – сразу и категорично высказался Михалый.

И Тамаров уже не сомневался, что теперь его будут звать только так. Авторитет Михалого имел вес не только в этой камере. Его то ли имя, то ли кличку в СИЗО знали все, даже кто самого Михалого никогда не видел.

Первый «местный житель» из темноты угла ближе к свету высунулся. Сначала показал сплошь, от ногтей до плеч татуированные руки, потом и иссушенную многими, видимо, «ходками»[3 - «Ходка» (блатной жаргон) – срок заключения.] характерную физиономию.

– А это Каря… – улыбнулся Михалый. – Он психопат, но ты его не бойся. Его соплей перешибить можно… Особенно спецназовцу… «Тубик» [4 - «Тубик» – туберкулез.] парня совсем сломал…

– Когда меня бить начинают, я плююсь, – предупредил Каря. – Потому – не советую…

– Меня зовут Бесо… – представился второй «местный житель». – Мы с тобой, Тема, коллеги. Я тоже подполковник… И тоже, уже без разговоров, бывший… Хотя и надеюсь, что это на время…

– Бесо – это?.. Как полностью-то?

– Полностью – Бессарион… Бессарион Мерабидзе…

– Род войск? – спросил Тамаров, словно с надеждой. Вопрос прозвучал естественно. Один военный человек интересуется, чем занимается другой военный человек.

– Департамент военной разведки Грузии… – не смущаясь ответил Бесо. – Так что коллеги мы с тобой вдвойне…

– Так даже? – поднял брови Тамаров. – «Двести семьдесят пятая»[5 - Статья 275 УК РФ предусматривает наказание за государственную измену.]?

– Не-а… Зачем… «Двести семьдесят шесть»[6 - Статья 276 УК РФ предусматривает наказание за шпионаж в пользу иностранного государства.]… Я же гражданин Грузии и офицер грузинской армии. Я своей стране не изменял…

– Ну и ладно, – согласился бывший российский спецназовец. – В любом случае на допросы будут, наверное, вместе возить… Тебя же в военную прокуратуру?

– Куда же еще!

– И меня туда же… Значит, повезут вместе. Все не скучно будет…

– А что там у вас за потоп-то был? – спросил Михалый.

– Этажом выше кто-то ночью повеситься хотел. На трубе… Труба не выдержала. Залило четыре камеры. Нас всех по разным этажам…

– Да, я слышал какой-то «звон»… – равнодушно сказал Михалый. – А кто вешался-то?

– Не знаю… Говорили, солдат какой-то…

– А… Был там солдат… Девка его замуж вышла, пока служил. Он с автоматом сбежать хотел. Перехватили, троих уложил, пока самого не взяли…

– Да, я слышал, – согласился Тамаров. – У нас про этот случай тоже говорили…

– Ну, ты устраивайся… Отдыхай…

Михалый не посоветовал. Он разрешил…

* * *

Два подполковника соседних государств, что-то постоянно выясняющих в отношениях друг с другом, сами один против другого ничего почему-то не имели. Оба они занимали верхние шконки, и когда на допрос в следственный комитет увезли сначала Карю, а через несколько минут и Михалого, переглянулись дружелюбно и сами почувствовали это.

– Мы с тобой воевать здесь не будем? – спросил Тамаров.

– А нам есть что делить? – вопросом на вопрос ответил Мерабидзе.

– Нам – нечего… Но сам, наверное, знаешь, что такое пропаганда. Что наша, что ваша… Так людей друг против друга настроит – не захочешь, а врага увидишь…

– Нормальный ход, – согласился грузинский подполковник. – Два врага в одной камере… Но я, понимаешь, пропаганду в одно ухо принимаю, а через другое тут же выпускаю. И вообще уши у меня, видишь, какие маленькие, породистые, в них много слов не положишь…

Тамаров протянул раскрытую ладонь. Мерабидзе хлопнул в нее своей ладонью – международный знак хороших отношений…

– К нам-то как попал? – поинтересовался, откинувшись на спину и высокий потолок рассматривая, российский подполковник. – Через границу?

– Зачем? Это техника тридцатых годов прошлого века и немножко нынешних чеченских боевиков. Сейчас все делается проще… Уехал во Францию. Оттуда в Казахстан. Там получил гражданство. Из Казахстана через месяц в Россию, сначала по «липовым» бумагам осел, потом настоящие получил… И начал работать…

– Провалился, конечно, на связи? – со знанием дела поинтересовался Тамаров.

– А как еще проваливаются? Девяносто процентов, так или иначе, на этом… Какой-то хакер в мой компьютер забрался, чем-то заинтересовался и выставил все мои данные в открытой сети… На следующий же день «повязали». А я в

ненужные сайты не хожу и не знал, что уже «засветился»… А ты как сюда?

Тамаров отмахнулся.

– По глупости… Чистейшей воды уголовщина. В отпуске был. С нашими кавказцами отношения выяснял. Сами напросились… Там все чисто прошло, хотя обидно, что отдых пришлось прервать. Жена расстроилась. На службу вернулся, а здесь уже взяли… Говорят, кто-то видел там, узнал меня здесь. Сейчас выясняют…

– Давно уже «закрыли»?

– Четвертый день. А тебя?

– Четвертый месяц.

– Ну ты талантище… Я бы столько не вытерпел, – сознался Артем Василич. – У меня терпение лопнуло бы…

– У меня давно лопнуло. Они пытаются из меня все связи вытянуть, ищут сеть, а я ни в какой сети не состоял. Я сам по себе работал. Связь через Интернет… Думаю, еще пару месяцев помурыжат и сами сдадутся… А что сделаешь? – Бесо звучно зевнул, показывая, как безразличны ему потуги спецслужб.

– Я бы ушел… Просто куда-нибудь…

– Я бы тоже ушел. И не куда-нибудь, а домой, но случая пока не подвернулось…

– Ну, это ты не говори… Вертухаи у нас, как и везде, впрочем, умом не славятся. Меня сколько возили на допросы, каждый раз подворачивается… За четыре дня по необходимости шесть раз уйти смог бы.

Бессарион вздохнул непритворно.

– Тебе просто. Ты спецназовец. Обучен этому… А я другому обучен. Я – аналитик. Я только головой и умею работать.

– Тоже дело хорошее, – согласился Тамаров. – Так и бил бы их головой… И потом – вперед и с песнями…

– Голову жалко. Ударю кого-нибудь, сам упаду… – пожаловался Бесо. – Это проверено. У меня голова на удары всегда слабая была. В детстве из-за этого бросил боксом заниматься. В легкую атлетику ушел…

– Тем более – бегать умеешь… – подсказал Артем Василич и отвернулся к стене лицом. – Вздремну я, пожалуй… А то с этим потопом вторую ночь выспаться не дают…

* * *

На допрос увезли сначала Бесо Мерабидзе. И только через сорок минут пришли за подполковником Тамаровым. А когда Артем Василич вернулся, Бесо еще не было, как не было и Кари с Михалым, и только через полчаса в коридоре послышались гулкие шаги, и в замке повернулся ключ. Тамаров поднял голову, чтобы посмотреть.

Бесо выглядел измученным и злым.

– Вставать следует, когда я вхожу… – с угрозой сказал Тамарову вертухай.

Но дожидаться ответа словом или действием не стал и благоразумно дверь за собой прикрыл. Это все-таки не «зона», а только следственный изолятор, и неизвестно еще, осудят или оправдают арестованного. А среди арестованных разные люди бывают. Встречаются и такие, от которых легко впоследствии неприятностей дождаться. Замок лязгнул, поворачиваемый на три оборота ключа.

Дождавшись, когда шаги стихнут в конце коридора, Тамаров сел.

– Наши нижние друзья сегодня где-то застряли… Да и тебя промурыжили основательно…

– Было дело, – вяло согласился Бесо и присел на краешек табуретки, словно бы остановился, чтобы дыхание перевести.

– А меня быстро отпустили. Только вчерашние протоколы подписать заставили. Там уж я их мурыжил. Читал – и к каждому слову придирался. Они же в протоколах как писать стараются… Чтобы можно было потом и так и так повернуть… А я настаивал, чтобы все однозначно было. Конкретный вопрос и конкретный ответ. Вообще, я предпочитаю отвечать односложно. И кое-что о презумпции невиновности слышал. Потому сам ничего не рассказываю. Говорите, спрашивайте, я отвечу «да» или «нет». На большее можете не рассчитывать…

Слова российского подполковника внешне были просты. О себе рассказывал… Но это само собой подразумевало, что и грузинский подполковник будет что-то о себе говорить. Но тот сосредоточенно молчал и явно был чем-то озадачен и озабочен.

Наконец, Мерабидзе встал в проходе между шконками, положив локти на матрацы верхнего яруса. И посмотрел на Тамарова серьезно и вопросительно.

– Рассказать что-то рвешься? – поинтересовался Артем Василич.

– Рвусь… Специально сегодня смотрел, как вырваться можно…

– И что высмотрел?

– Одному невозможно… Охрана, как и у тебя, наверное, – два вертухая и водитель. Если двое рядом, третий страхует. Если даже предположить, что я оружие добуду и с двумя справлюсь, третий успеет оружие достать. Никак…

– А нас, видишь же, по отдельности на допрос повезли… Я, впрочем, и с тремя справился бы. С двумя справляться следует так, чтобы сразу оружие захватить. Тогда и третий не страшен. А на опережение я хорошо стреляю.

– Нужна специальная подготовка. У меня ее нет… – вздохнул Бессарион.

– Своей поделиться никак не могу. В камере места не хватит, чтобы тренироваться. Да и нескольких лет для приобретения необходимых кондиций у нас в запасе не имеется.

– Предложений нет? – переспросил Мерабидзе.

– С моей стороны – никаких. А с твоей стороны, мне показалось, предложение поступило…

– Мне еще раньше показалось, что оно поступило с твоей стороны.

Российский подполковник улыбнулся.

– Я тебе высказал только теоретические выкладки. Мне уходить можно, только если невмоготу станет. А пока следаки пусть пот вытирают и пытаются что-то доказать. Может, и получится… Если получится, я постараюсь уйти без разрешения… А насчет предложения – тебе показалось…

– А что тебе ждать? – воскликнул Бесо, не совладав со своим горским темпераментом.

– Если мне бежать – это бросать жену, квартиру, машину, на сына с дочерью пятно вешать… И самому куда прятаться? Прятаться-то долго придется – всю оставшуюся любимую и распрекрасную… А когда негде, это лишний знак вопроса в области затылка. Почешешь затылок, а вопрос не выпрямляется. И так, сколько ни чеши…

– В Грузию беги… И твои туда приедут…

– Кто меня там ждет? Я к другому менталитету привык. К другой жизни…

– Привыкнуть можно ко всему. Даже к «зоне»… – невесело пошутил грузинский подполковник. – Если обломаешься, то и привыкнешь…

– Ладно, о чем мы говорим… – отмахнулся Артем Василич. – Чтобы вдвоем бежать, нужно, чтобы нас на допросы вдвоем возили. Или ты решил остаться, а меня желаешь в Грузию отправить? Я не совсем понял…

– Тебя в Грузии хорошо примут, если меня туда доставишь. Это я могу тебе обещать твердо.

– Тогда закажи на завтра такси до следственного комитета. На двоих…

Российский подполковник снова лег и опять к стенке повернулся. В длинном коридоре слышались шаги. Кого-то вели с допроса. Может быть, их сокамерников. При них разговаривать ни одному из подполковников не хотелось. И грузинский подполковник тоже на свою шконку забрался. К другой стене отвернулся.

В замке повернулся ключ. Вертухай привел Карю…

* * *

Михалого привезли уже ночью.

– Я думал, тебя уже в суд отправили… – прокаркал, сдерживая кашель, Каря.

– Пока только на следственный эксперимент возили, – сдержанно ответил Станислав Михалыч и сразу стал устраиваться спать. Просто по возрасту, видимо, устал. И ни в какие разговоры вступать не стал. Он вообще предпочитал о себе ничего не рассказывать, хотя отвечал, если спрашивали. И вел себя скромно, почти по-доброму. Если бы Тамаров не знал, что это авторитетный уголовник, который не захотел, чтобы его на «вора» короновали, потому что современные «воры» перестали уважением пользоваться, то подумал бы, что это какой-то проворовавшийся бухгалтер из сельсовета, непонятно какими путями попавший в следственный изолятор ФСБ.

Ночь пролетела быстро, а утром, непривычно рано, вызвали на допрос сначала грузинского подполковника, потом, через пять минут, и российского. Забираясь в автозак, Артем Василич коротко глянул по сторонам. Водитель машины вообще стоял за кунгом и не видел того, что происходит, один из вертухаев ковырял в носу и мечтательно на облака смотрел, и только второй лениво и сонно дожидался, когда арестованный заберется в машину. Конечно, все это происходило во дворе следственного изолятора, за крепкими металлическими воротами. Но все же недостаточно крепкими, чтобы их не выбить тем же автозаком. И часовой здесь будет уже не в состоянии помешать. Он просто пистолет из кобуры вытащить не успеет, когда машина ворота вышибет и отправится вместе с беглецами туда, куда они захотят отправиться.

Может быть, грузинскому подполковнику не хватало боевого опыта, чтобы просчитать ситуацию и все исполнить. Но его российский коллега сделать дело был уже готов.

Бесо дожидался в машине.

– Как тебе здешний салон? – похлопал Тамаров по жесткой лавке и присел напротив соседа по камере.

– Это явно не мой «Кадиллак»…

– Я думал, грузины всегда предпочитают «Волгу». У тебя дома «Кадиллак»?

– Да. «Эс-эр-икс». Внедорожник. А у тебя?

– «Копейка»… Уже еле бегает… Но с нее в автозак пересаживаться привычнее, чем с «Кадиллака»… Уровень комфорта почти одинаковый…

Тамаров показал глазами на дверь и кивнул. Бесо кивнул в ответ.

– Прекратить базары! – рявкнул вертухай, поднимаясь в машину и закрывая замок на внутренней решетке.

– Глохни, рыба… – коротко и почти вежливо ответил Мерабидзе, но при его акценте фраза прозвучала весьма оскорбительно.

– Ох, счас хтой-то у меня не заглохнет, а оглохнет… – Вертухай отстегнул от пояса дубинку, постучал себя по ладони, подумал, на российского подполковника посмотрел, но машина тронулась, и он поспешил закрыть за спиной наружную дверь. Вздох сожаления при этом демонстративно показывал, что этот рыжий детина якобы не побоялся бы войти за решетку, чтобы помочь кому-то оглохнуть. А не вошел только потому, что машина при движении сильно тряслась. – Не забывай, чурка, что не в последний раз со мной едешь…

Грузинский подполковник переглянулся с подполковником российским, и они улыбнулись друг другу, понимая один другого без слов. А вертухай закурил до безобразия вонючую сигарету, пуская дым через решетку. Знал, наверное, что

оба подследственных не курят, и, как всякий неумный человек, получал наслаждение от своей временной власти…

* * *

После допроса Артема Васильевича доставили в автозак первым. И посадили за решетку во внутреннее отделение. Под замок, как и полагается по всем инструкциям, и наручники в машине сняли. Естественно, снимали их не в тамбуре, а сквозь решетку. В наручниках подследственных возить запретили после того, как кто-то из них, не имея возможности ухватиться руками за решетку, об эту же решетку разбил себе голову при тряске машины и накатал жалобу. Дороги такие, что трясет сильно, и держаться хоть за что-то просто необходимо.

Артем Василич был готов отправиться в СИЗО. Но сразу не поехали. Больше часа ждали, когда приведут Бессариона Мерабидзе. И даже рыжий вертухай в машину не зашел, закрыв ее снаружи. Но его компания не могла бы скрасить время ожидания, и потому подполковник военной разведки расстраиваться не стал. Более того, ему было просто необходимо, чтобы рыжий остался пока снаружи.

Время действовать подошло, решил Артем Василич…

Кусок стальной проволоки вылез из рукава без проблем, прижатый каблуком к металлическому полу, загнулся под сильными пальцами, и нескольких секунд хватило, чтобы открыть замок в двери-решетке. Все получилось хорошо и ловко, учитывая, что открывать пришлось вслепую, поскольку замочная скважина была несплошная и ключ вставлялся только с наружной стороны. Но кисти рук между стальными прутьями проходили легко. Остальное было делом техники. Подполковник Тамаров проходил когда-то специальный курс обучения работе с отмычкой. Экзамен, помнится, на «отлично» сдал. И на практике с задачей справился без проблем – благо замок попался простейший. А ключ, когда вертухай замок запирал, подполковник успел рассмотреть и мог уже представить, как с таким замком справиться.

Но выходить в тамбур он не собирался и еще долго сидел и ждал за решеткой, когда появится его сокамерник. Если их привезли в одной машине, то и увозить должны вместе. Гонять лишний транспорт никто не пожелает. Наконец, начал

громко шевелиться ключ во внешней двери. Тамаров принял удобную позу и подогнул под сиденье правую ногу, чтобы иметь возможность ее с пружинистой силой выпрямить. Левую выставил чуть вперед, на точку, дающую опору для перемещения тела и удара. И рассчитал, как правильно тело выставить, чтобы самому не потерять равновесие и при этом нанести наиболее сильный удар.

Дверь открылась с жестким металлическим скрипом. Масло на смазку петель водитель явно пожалел. Или попросту у него дома было слишком много дверей, которые тоже было необходимо смазывать, и масла на двери машины элементарно не хватило. За дверью видно было только двоих – Бессариона и рыжего вертухая. Второй вертухай или опять облака рассматривал, или самозабвенно в носу ковырял. Лучше бы, конечно, его видеть, чтобы спланировать свои дальнейшие действия. Хотя в принципе спланировать их Тамаров все равно сумеет быстрее, чем вертухай. Просто за счет своей высокой профессиональной подготовки и боевого опыта, который можно использовать и в такой банальной ситуации, как побег от конвоиров.

Артем Василич был готов…

– Вперед и к стенке… Лицом к стенке – пока, потом полностью – к стенке… – так вертухай напутствовал Бессариона.

Тот поднялся в машину. Одновременно с этим за дверью прошел второй вертухай. Прошел торопливо, словно куда-то спешил. Может быть, спешил даже раньше времени в кабину к водителю сесть, где он обычно и сидел. Но это уже были его проблемы, а не проблемы подполковника Тамарова.

Подполковник грузинской разведки поднялся в машину и сразу шагнул в сторону от двери, чтобы дать возможность рыжему вертухаю открыть замок. Вертухай поднимался в машину тяжело и медленно. Тамаров сразу прикинул, что веса в нем никак не меньше сотни килограммов. И это против семидесяти пяти у самого подполковника. Впрочем, и здесь страшного ничего не было. И даже наоборот – большой вес, если он излишний, снижает скорость. И выигрывает тот, кто быстрее работает. Относительно того, кто быстрее соображает, Артем Василич не раздумывал. Он просто знал, что сам в таких ситуациях даже на соображение времени никогда не тратит, потому что привык действовать, что называется, «на автомате». То есть за счет тренированности и опыта. И это всегда давало преимущество перед тем, кто свои действия обдумывает. Может быть, доли секунды, но они могут кому-то или жизни, или здоровья стоить.

Рыжему вертухаю эти доли секунды будут стоить внешнего вида, который подполковник собрался ему подпортить основательно.

Вертухай оказался в тамбуре. На Тамарова не посмотрел и достал ключ. И как раз в тот момент, когда он хотел вставить ключ в замочную скважину и чуть склонился над замком, Артем Василич начал действовать. Перенес вес тела на выставленную левую ногу с одновременным быстрым подъемом со скамьи, правая нога при этом подогнулась вместе с перемещением тела и поджалась, а потом последовал «выстрел». При этом поступательное движение правой ноге давала и выпрямляющаяся левая, и сам разгиб правой. Удар пришелся в решетку двери, и эта решетка с силой врезалась в голову рыжему детине. Вертухай упал сразу, но, к счастью, из машины не вывалился в распахнутую заднюю дверь, а открывающейся решетчатой дверью был отброшен вправо, туда, где он обычно сидел. А Артем Василич уже оказался рядом, нанес второй удар коленом в челюсть, ставя точку в длительной «отключке», и тут же выхватил из кобуры вертухая пистолет, на всякий случай опустил предохранитель, передернул затвор и дослал патрон в патронник. И только после этого выпрыгнул, не выглядывая, из распахнутой двери.

Второго вертухая рядом не было. Тамаров обернулся. Бессарион вытащил из кармана рыжего ключи от наручников и уже освобождался от них. Пистолет был один на двоих. И этого явно было мало.

– Бежим… – улыбнулся Мерабидзе и показал рукой направление.

Тамаров отрицательно головой замотал.

– Пулю в спину хочешь?

– Что? – не понял его намерений грузинский подполковник.

– Нужно машину захватить…

– В зеркало нас увидят, – предупредил Бесо. Но тут же нашел правильный путь и показал пальцем под машину: – Туда. Я к водителю. Ты к вертухаю. Ты дверь открываешь. Оба на тебя смотрят. Тогда открываю и я…

Артем Василич кивнул, не найдя, что можно против такого грамотного в принципе оперативного плана возразить, и первым полез под машину.

Машина стояла на улице, по улице шли прохожие, и многие, конечно, видели двух узников. Но, прежде чем кто-то успел сообразить, что здесь происходит, подполковники уже оказались под водительской кабиной. Тамаров не останавливался, сразу выкатился по асфальту рядом с колесом и рывком распахнул дверцу с пассажирской стороны.

– Приехали, голубчики… Не суетиться… Я стреляю хорошо… Руки вперед, на стекло… Шевелиться не рекомендую. Даже пальцами… Даже пальцами, я сказал…

Про пальцы Тамаров упомянул не случайно. Если человек не подготовлен, любому его движению должна сопутствовать мысль. А мысль существо материальное, и она вызовет сокращение мышц там, где находятся нервные окончания, то есть, если человек захочет ударить, мышцы начнут сокращаться в первую очередь в пальцах. И можно не смотреть на самих конвоиров. Только за их пальцами, растопыренными по лобовому стеклу машины, следить, и этого будет достаточно. А тренированного и достаточно быстрого, более быстрого, чем подполковник спецназа ГРУ, вертухая Артем Василич не встречал и даже не слышал, что такие могут быть в природе.

Бессарион уже открыл дверь с противоположной стороны. Конвоиров обезоружили за секунды. И так же быстро вытащили из кабины.

– На наше место… Бегом… – приказал Тамаров и пинком под зад создал поступательное движение вертухаю.

Бессарион за шиворот тащил водителя.

– Мобильники мне! – приказал Артем Василич перед распахнутой дверью.

Команда была выполнена с неохотой, но сразу. Бессарион хватился и, заскочив в машину, забрал мобильник у только-только приходящего в себя и что-то мычащего рыжего детины. Тот попытался укусить грузинского подполковника за ногу, за что получил еще один удар коленом в челюсть. На сей раз послышался звучный хруст. Судя по тому, что Мерабидзе не захромал, нога не сломалась.

– Вперед… Оцените удобства… – скомандовал Тамаров конвойным, как только Бесо выпрыгнул на асфальт.

Закрывать всю троицу за решеткой ни времени, ни необходимости не было. Все же действие происходило под окнами военной прокуратуры, и кто-то мог из окна не вовремя выглянуть. Потому закрыли только заднюю дверь. Бесо сел за руль. Заурчал двигатель, заскрежетала коробка передач. Автозак в отличие от «Кадиллака» не имел автоматической коробки. Но грузинский подполковник и с механической справился. И уже по тому, как он поехал по улице, свободной от пробок, но не свободной от обычного городского движения, Тамаров понял, что за рулем отличный водитель. И правила не нарушал, не показывал, что в машине беглецы, и скорость держал именно такую, какую следовало.

– Куда едем? – спросил подполковник грузинской разведки.

– Куда прикажешь… Ты же, кажется, звал меня в Грузию?

Город, который они пересекали, был небольшим и насыщенным военными, в том числе и военными машинами. Поднять тревогу и перекрыть все выезды в таком городе можно без проблем. Бессарион поступил мудро, направляясь не в южную сторону. На этом автозаке, как нетрудно было догадаться, до Грузии им было не добраться…

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Человеку со славянской внешностью, к тому же не знающему ни слова по-грузински, трудно было бы ходить по улицам грузинских городов. Может быть,

даже опасно. И потому Бесо сразу, как только остановились на привал после шестичасового безостановочного маршрута по ночной дороге, ведущей в Чечню и Ингушетию, пустынной и потому удобной для их передвижения, предложил за время пути, который не обещал быть близким, поскольку обход они намеревались совершить значительный, обучить Тамарова хотя бы самым необходимым для бытового общения азам грузинского. Тем более что сам подполковник Мерабидзе уже неоднократно предупреждал, что со временем Тамаров сможет и семью свою в Грузию переправить, и там обосноваться. На что, впрочем, российский подполковник не давал никакого ответа. Предложение об изучении языка было новым шагом.

Артем Василич отмахнулся.

– Я не уверен, что мне это понадобится в жизни.

Бессарион, покачав в сомнении головой, настаивал:

– Русский у нас, конечно, многие знают, но молодежь, например, и учить не хочет. Даже что-то спросить не сможешь. Не говоря уже о том, что сразу к себе внимание привлечешь. Может быть, и ненужное внимание, потому что ваших разведчиков всех мастей у нас больше, чем офицеров в нашей службе безопасности. Могут и специально по твою душу прибыть, если ты себя там «засветишь».

– А если на английском спрошу? Ответят? – лениво поинтересовался российский подполковник, пытаясь хотя бы так отвести разговор в сторону.

– Английский многие знают…

– Значит, спрошу на английском… – решил Тамаров. – У вас американцев любят, пусть меня за американца принимают… Если понадобится, я могу себя каждый день под негра раскрашивать… Жалко, конечно, что я не толстогубый, но и так сойдет. Негры тоже разные бывают. Я в своей жизни на многих негров насмотрелся, даже на синеглазых эфиопов… Настрой духа, понимаешь, у меня сейчас не тот, чтобы голову загружать… Да и голова уже не слишком молодая. Трудно уже обучается, чему в молодости обучаться не пожелала…

Он вообще-то много раз слышал об удивительной склонности грузин к изучению иностранных языков. Наверное, ни один другой народ чужими языками так быстро не овладевает, хотя от своего акцента избавиться не может никогда. Но акцент в общении не помеха. И потому Бессарион посчитал, что и Артем Василич может так же быстро грузинский освоить, как грузины осваивают чужие языки. Но Тамаров не поспешил обозвать себя полиглотом.

– Как хочешь…

– Да, я хочу без лишних сложностей…

Они устроились отдыхать на склоне холма среди кустов, откуда дорога в оба конца хорошо просматривалась в лучах утреннего солнца, а им самим не составило бы труда при необходимости просто перекатиться, если лень будет вставать, и оказаться под укрытием кустов. А такая необходимость возникнуть могла бы, поскольку ни один, ни другой не сомневались, что их уже активно и злобно разыскивают. Более того, оставив машину рядом с дорогой, по которой, естественно, не пошли, и устроившись отдыхать до наступления темноты в густом пригородном лесу, они, обсудив свое положение и возможные меры по их поимке, поставили себя на место поисковиков и предположили два варианта развития событий, каждый из которых имел право на жизнь и наверняка будет прорабатываться спецслужбами. Согласно первому, оба беглеца направятся в Грузию. Один уговорил другого, и вот – побег. Куда идти первому? Не в Москву же… Естественно – в Тбилиси. Второго прихватил с собой, потому что такой опытный в боевом деле помощник может оказаться не лишним на опасном нелегальном пути. Согласно второму варианту, беглецы могут разделиться, куда пойдет подполковник Артем Тамаров – и предположить трудно, но и тогда подполковник Бессарион Мерабидзе обязательно направится не куда-нибудь, а только и обязательно в Грузию. Следовательно, все пути туда будут плотно перекрыты, и их предстоит проходить по возможности тихо, поскольку любое боестолкновение может вызвать эффект сигнальной ракеты – район возьмут под пристальный контроль и блокируют каждую тропу.

Тогда же они определили и путь. Совещались долго, и у каждого было свое мнение. Подполковник Тамаров, зная методы работы российских спецслужб лучше, чем Бесо, предлагал потерять лишнюю неделю, но добраться до Дагестана, оттуда махнуть в Азербайджан, а уже из Азербайджана проехать в Грузию. Это обещало наибольшую степень безопасности, поскольку границы с Азербайджаном не охраняются так, как границы с Грузией, и в приграничных

районах нет такого напряжения. Бессарион Мерабидзе предпочитал иной путь, более опасный, но тот, где он мог, как обещал, найти поддержку и помощь со стороны своих друзей и знакомых. Но путь этот лежал через районы, которые и сам Тамаров прекрасно знал, более того, в которых он неоднократно принимал участие в боевых операциях. Следовало через Чечню выйти в Ингушетию, а оттуда, в зависимости от обстоятельств, двигаться или снова через Чечню, или даже через Северную Осетию в Южную Осетию, а там уже в Грузию. Сам Бессарион предпочел бы путь через Осетию, хотя ничего не смог ответить на вопрос российского подполковника о том, как он предполагает попасть из одной Осетии в другую. Через горы они пройти не смогут, а Рокский тоннель имеет такую мощную систему безопасности, что проехать через него и не «засветиться» им едва ли удастся. Там на каждом посту обязательно будут красоваться их фотографии. В конце концов после продолжительных споров Артем Василич вынужденно согласился идти через Ингушетию. В долгой дороге через Дагестан, как верно заметил подполковник Мерабидзе, им даже подкормиться будет нечем, а любая попытка добыть пищу силовым или иным каким-то путем привлечет к ним ненужное внимание. В Ингушетии, как пообещал Бесо, такой проблемы в принципе стоять не будет. Там и накормят, и напоят, и сон охранять будут…

Спорить закончили перед наступлением темноты. Тогда и пошли в нужную сторону. Казалось, у Тамарова был с собой переносной навигатор. Он знал, наверное, все селения, через которые следовало продвигаться, вернее, которые следовало обходить. И вовремя начинал поворот, когда населенный пункт вставал прямо на дороге. И без компаса ориентировался на открытом пространстве не хуже, чем другой человек ориентируется на улицах с детства знакомого города.

– У тебя карта в голове? – наивно спросил Мерабидзе.

– Она у меня на столе лежала, – объяснил Артем Василич. – Много раз смотрел. Даже мимоходом. А у меня, извини уж, голова так по-дурному устроена. Я даже специально карту никогда не запоминаю. Просто фотографирую и в памяти фотографию сохраняю. Потом, когда нужно, рассматриваю. Мысленно…

– И не ошибаешься?

– И не ошибаюсь… Говорю же, Господь дал дар – у меня голова так устроена. На карты и на ориентацию хорошо работает. С раннего детства при всем желании

заблудиться не мог… Пять лет было, ушел из детского сада. Надоело, и ушел… Через весь громадный город. Из конца в конец… И без карты обошелся…

– А карта Дагестана? – задал Бесо естественный вопрос.

– Хуже. Я в Дагестане не бывал… Карта Дагестана у меня на столе не лежала… Не фотографировал, за неимением…

Это был дополнительный аргумент в пользу маршрута, предложенного грузинским подполковником. Более опасного, конечно, маршрута. Но кто знает, где в действительности поджидает опасность… Вдруг среди поисковиков умная голова найдется и решит, что беглецы направятся не самым коротким путем. Тогда и другой путь будет перекрыт, и, возможно, будет перекрыт более плотно. А подполковник Тамаров лучше других знал, что силы в таких случаях бывают весьма ограниченными, и при их распылении обязательно образуются дыры. Другое дело, что в розыске, как правило, принимают участие не только менты. Ориентировки на розыск рассылаются всем силовым структурам. В том числе и частям спецназа ГРУ, хотя они не правоохранительный орган, а армия. Но встретиться со спецназом ГРУ Тамаров не боялся. Даже если попадутся бойцы из другой бригады, даже если офицеры будут незнакомые, с ними все равно, он был уверен, договориться будет возможно. А в Дагестане скорее всего дело иметь придется с озлобленными постоянными покушениями местными ментами и с пограничниками.

Все эти мысли и последний аргумент Бессариона заставили Артема Василича проявить здравость мысли и даже мысленно согласиться с вариантом сокамерника – так лучше.

– И где первого из твоих друзей искать будем? – напрямик спросил Тамаров.

Мерабидзе назвал место.

– Выведу… – согласился Артем Василич. – Это не так и далеко. Те места я хорошо знаю. И дорога прямая, плутать по горам не придется…

* * *

– Спишь, Василич?

– Ага… Сплю…

– Машина идет…

– Слышу, не глухой. Далеко еще… Успею три раза проснуться…

Отдыхать они договорились четыре часа на двоих. То есть каждому по два часа для сна, во время которого напарник остается часовым. Бесо предлагал вообще без часового обходиться, поскольку трудно предположить, что в этой местности кто-то пожелает по кустам прогуляться и при этом непременно на них, тропы за собой не оставивших, выйдет. Но в этом вопросе Тамаров предпочел быть категоричным. Случайности он никогда не доверял и к слову «авось» относился отрицательно. И, даже уснув вроде бы крепко после утомительного перехода, подполковник спецназа проснулся еще пару минут назад от звука автомобильного двигателя, идущего с северной стороны дороги – издалека идущего. Тренированное подсознание усталости не признавало и давало организму команды в любом состоянии.

Тамаров сел, улыбнулся солнцу и посмотрел на напарника.

– Ложись спать. Я уже, кажется, выспался.

– Еще сорок минут… – предупредил Бессарион, у которого слипались глаза, тем не менее он желал соблюдать справедливый регламент.

– На сорок минут дольше спать будешь… Разрешаю в ладоши похлопать…

– А машина?..

– Грузовик. Идет в сторону Чечни. Без сопровождения, значит, не военный…

– При чем здесь сопровождение? – не понял Мерабидзе.

– Согласно приказу региональной комендатуры, все машины, направляющиеся в наши любимые кавказские республики, должны сопровождаться

бронетранспортером или боевой машиной пехоты. Прикрытие… Правда, сейчас в самой Чечне многие этот приказ считают необязательным, времена, дескать, другие, тем не менее… Машина идет со стороны, значит, если военная, должна быть под прикрытием… Отсыпайся спокойно, я присмотрю…

Бесо лег вроде бы даже неохотно, потому что не хотел показать себя более слабым, чем Тамаров, но, едва тело заняло горизонтальное положение, уснул сразу. А Артем Василич встал, и лицо, а потом и уши ладонями растер, за неимением воды, заменив обычное умывание таким способом освежающего массажа – привычная спецназовская процедура.

И только после этого прислушался к шуму двигателя на дороге. Это был, вне всякого сомнения, грузовик – старый, с изношенным двигателем, потому что ехал медленно и задыхался, когда в невысокие пока горы поднимался. Но почти одновременно стал приближаться и более легкий звук. Только этот шел с другой стороны. Тамаров прикинул в голове карту и свой пройденный путь на нее наложил. У него получилось, что находятся они почти вплотную к административной границе Чечни. Значит, легковая машина шла из Чечни. Дорога неторопливо, как ленивая женщина, просыпалась. Обычно в дневное время здесь движение бывает достаточно оживленным. И идти по дороге днем беглецам будет просто опасно. Однако это не страшно, поскольку никто не запретит им идти по окружающим дорогу холмам, покрытым зарослями кустов и густыми перелесками. С дороги при этом они будут невидимы, и потому опасаться случайного взгляда не стоит.

Артем Василич сел, дожидаясь, когда машины проедут мимо. Но сел не туда, где лежал, потому что маленькая полянка могла быть под определенным ракурсом просматриваемой, а кто даст гарантию, что именно в самый неподходящий момент водителю или кому-то из пассажиров машины не взбредет в голову посмотреть в сторону. Бессариона кусты прикрывали, и с дороги увидеть его возможности не было. Такую же позицию подобрал себе и Артем Василич.

Легкий, слегка шелестящий звук двигателя легковой машины приближался стремительно. И это был даже не один слабый рокот сильного двигателя. Уже по звуку Тамаров определил, что машина, несмотря на летнее время года, идет на шипованной резине. Дальний участок дороги со стороны Чечни, который можно было бы рассмотреть, легковая машина миновала давно, до того, как Артем Василич встал, и теперь рассмотреть ее мешали кусты. Но зато в другую сторону дорога просматривалась. И показался большой тягач «Вольво» с крытым

длинным металлическим фургоном. Грузовик ехал не торопясь, но мощь двигателя ощущалась уже в равномерности движения. И только гул показывал, когда этот двигатель ощущает нагрузку при подъеме, когда работает на слабых оборотах при спуске. Но под полянкой, на которой устроились беглецы, все же первой оказалась легковая машина. То есть это была даже не легковушка, а внедорожник «Порше Кайен», который рассмотреть можно было хорошо, потому что он остановился как раз в таком месте, где это было удобно. Но остановка посреди дороги что-то должна была бы значить и не могла не насторожить подполковника спецназа ГРУ.

Тягач «Вольво» тем временем приближался, и при виде «Кайена» начал сбрасывать скорость. Из внедорожника вышло пять человек в камуфлированных костюмах. Один оказался с тупорылым автоматом «АКСУ», и, судя по тому, как он осматривался по сторонам, резонным было предположить, что это охранник. Остальные всматривались в дорогу и явно дожидались встречную большегрузную машину. Тамаров слегка скривился. Не хватало еще после обвинения по уголовному делу попасть в свидетели по делу постороннему, потому что все происходящее слегка напоминало ограбление, которое вот-вот должно состояться.

«Вольво» остановился. Вышли водитель и пассажир. Пассажир сразу направился к «Кайену», не сомневаясь в своих действиях, как могло бы быть при ограблении, а водитель, наоборот, без разговоров направился за машину и стал открывать задний распашной борт металлического фургона. Тем временем пассажир пожал всем встречающим, исключая охранника, стоящего к нему спиной, руки. Переговоры длились недолго, и все вместе они пошли за фургон, из которого водитель уже вытаскивал крепкие доски-«пятидесятку», усиленные по краям металлическим уголком. Сомневаться не приходилось, что из фургона будут выгружать машину. Только непонятно было, почему здесь, посреди дороги.

Разгрузка тем временем продолжалась. Много времени она не заняла. Из фургона вывели только одну машину, точно такой же «Порше Кайен», как встречающий, только первый был грязно-серого цвета, а новый оказался матово-черным. Тут же один из встречающих достал из своей машины номерные знаки и стал ставить их на черный «Порше». В руки пассажира из «Вольво» перешел пакет, который тот внимательно осмотрел. Похоже было, что это деньги. И уже через пару минут, после того как серый «Порше» развернулся, два внедорожника двинулись в сторону административной границы с Чечней. Так, не

став свидетелем ограбления, подполковник Тамаров все же стал свидетелем передачи угнанной где-то в глубинной России дорогой иномарки. Но это его интересовало мало. Он из встречи похитителей машин сумел сделать свой вывод – впереди на дороге стоит пропускной пункт или пункт дорожно-патрульной службы, с которым, видимо, трудно договориться при досмотре. Но российский подполковник прекрасно знал, что похитители машин всегда на подобных пунктах встречают взаимопонимание. Следовательно, что-то там, впереди, необычно. И он даже мог предположить, что именно. Дорога перекрыта, и весь транспорт досматривают тщательно в поисках двух беглецов, возможно, направляющихся через территорию Чечни в сторону грузинской границы. И пост в данном месте усиленный, и усилен он посторонними силами. И именно поэтому похитители машин договориться там не смогли, позвонили, должно быть, своим поставщикам и согласовали встречу на дороге. Возможно, это заранее обговоренный запасной вариант.

Что на административной границе стоят посты, подполковник Тамаров прекрасно знал и не собирался, разумеется, подставляться под автоматные стволы. Уж что-что, а обойти пост офицер спецназа ГРУ сможет невидимым не только сам, но и сумеет провести грузинского подполковника. Он сумел бы его даже на своей спине пронести под самым носом у патрульных. И потому подсказка со стороны автоугонщиков не была существенной, но послужила напоминанием. Интересно было бы узнать, какими силами укрепили пост. Это могут быть и менты, причем какие-нибудь прикомандированные из российской глубинки, которые продаваться не желают. Такие менты тоже порой встречаются. Это могут быть части спецназа ГРУ, что большой радости не доставило бы Артему Василичу, хорошо знающему, как трудно бывает его сослуживцев обмануть. А договариваться с офицером на глазах у местных ментов сложно. Значит, придется проявлять повышенную осторожность. Это могут быть спецназовцы внутренних войск, скорее всего из «Витязя», который часто работает как раз в этих местах. Усиление поста бойцами «Витязя» – самый неприятный вариант. Подполковник Тамаров прекрасно знал тактику «краповых беретов». Они обычно выставляют посты на самом видном месте, просчитывают варианты обхода и там ставят двойной заслон. Первый заслон пассивный – мины или элементарные «растяжки» в густой траве. Второй заслон живой – автоматчик с пулеметчиком внимательно высматривают проходы и готовы стрелять даже в случайную тень пролетающей над головами птицы. В боевой подготовке спецназ внутренних войск спецназу ГРУ, конечно же, уступает, но вот в постовой службе или в проведении «зачисток» в горных селениях «Витязь» себе равных не знает. Это их стихия, и пройти их будет сложно. Но, впрочем, возможно, потому что невозможных вещей для опытного человека, готового на

все, не бывает.

* * *

Время, отведенное подполковнику Мерабидзе на сон, вышло, и спал он по-детски сладко, но это Артема Василича тронуло мало.

– Бесо… – позвал Тамаров.

Бессарион сразу открыл глаза.

– Петухи поют… Подъем…

Бессарион вытащил из кармана одну из трубок, что достались беглецам в наследство от вертухаев, и посмотрел на часы.

– Минута в минуту… Ты пунктуален… Мы не сильно торопимся?

– Ты категорически не выспался? – спросил Артем Василич.

– Нет, я не о том. Я могу подежурить и предлагаю тебе поспать. Ты же спал совсем ничего… Как пойдешь?

– За меня не переживай. Для меня это привычный боевой режим. Я на бессонницу тренирован. И никогда из-за таких мелочей не страдаю. Вот без воды хуже. Но, насколько я помню карту, через пару километров после границы Чечни должен быть ручей. Значит, пару километров терпим до границы, пару километров после границы, потом пьем, но вот с собой нам воду взять не во что, и это плохо. Вертухаи фляжки с собой не носят…

– Граница охраняется?

– Пост на дороге. Нас там ждут…

Он рассказал Бессариону о картине, которую наблюдал на дороге, и выложил свои выводы.

– Как проходить будем?

– Смотря по обстоятельствам. Пока двинули туда. Вот еще бы биноклем разжиться… Чтобы посты высматривать.

– До моих друзей доберемся, будет нам и бинокль, и фляжка.

– Это еще километров тридцать… От жажды можно ноги протянуть. Обезвоженность организма гораздо страшнее, чем это тебе кажется. Но ручей может нас спасти. Идем…

– Идем…

Они уже прошли с десяток шагов по дороге, когда в кармане подполковника Мерабидзе подала голос телефонная трубка одного из вертухаев.

Бессарион трубку вытащил и в задумчивости посмотрел на монитор, не зная, отвечать ему или нет. Он хотел было спросить совета у напарника, но у Артема Василича заголосила в кармане другая трубка. Тамаров тоже ее вытащил, посмотрел на высветившийся номер, ухмыльнулся и нажал клавишу ответа:

– Подполковник Тамаров. Слушаю тебя, Александр Григорьевич, предельно внимательно…

– Подполковник Мерабидзе, слушаю вас… – последовал примеру коллеги подполковник грузинской разведки.

2

Разговор начали в самом начале рабочего дня. Но он грозил затянуться надолго.

– Я отлично помню, товарищ полковник, что решетку на ключ закрыл. Не было на моей памяти такого со мной, чтобы забыл закрыть. Я осторожный и аккуратный от природы. Я даже дома никогда ни одной двери открытой не оставляю. Привычка. Всегда закрывал и в этот раз закрыл. Я всегда сначала решетку закрою, потом наручники снимаю. Как иначе снимать… Опасно… С такими-то

волками дело иметь… Себе дороже…

У старшего прапорщика из отряда конвоирования следственного изолятора голос был таким, словно его не только избили, но и кровно, на всю оставшуюся жизнь обидели. Но со стороны выглядело это так, словно конфетку у капризного ребенка отняли… Казалось, здоровенный и красномордый рыжий детина прямо сейчас, в кабинете старшего следователя по особо важным делам следственного комитета при окружной военной прокуратуре полковника юстиции Ярилова, заплакать готов. Но голос этот очень органично звучал в совокупности с разбитой физиономией.

Два других виновника «торжества», конвоир-прапорщик и водитель машины, стояли рядом, понурив непобитые и оттого почти счастливые головы. Они уже свое высказали. Но следователю, вернее, двум следователям, потому что здесь же присутствовал еще и второй старший следователь того же комитета полковник Холмогоров, ведущий дело грузинского шпиона, хотелось узнать, как случилось, что подследственные получили возможность для побега.

– Тогда почему же решетка оказалась открытой? – жестко спросил старший следователь Холмогоров.

– Кто-то открыл ее… – резонно предположил старший прапорщик, поднимая почти умный взгляд к высокому потолку.

– Кто? Кто ключ имел?

– Только я, товарищ полковник. Запасной ключ в дежурной части.

– Значит, ты сам открыл?

– Я только закрыл… А открыть не успел…

Разговор в очередной раз зашел в тупик. И уже трудным казалось сосчитать, в который раз…

– Дело, Борис Аркадьевич, в принципе и не в этом, – сказал второй старший следователь, хозяин кабинета, ведущий дело подполковника Тамарова. – Ну,

открыл бы он дверь сам, и все получилось бы точно так же. Последовал бы удар, и все остальное без изменений – рожа набок и побег…

– Нет, Виктор Васильевич, не могу с тобой согласиться… – возразил Борис Аркадьевич. – Давайте ситуацию по деталям просматривать. Открывая дверь, старший прапорщик взялся бы рукой за саму решетку, и удар бы принял рукой, а не хар… А не лицом… И в этом случае не потерял бы сознание, максимум палец бы сломал вместо носа, и вполне смог бы сориентироваться. И второй конвоир, который обязан был рядом находиться, сумел бы помочь. А он рядом не находился. И потому мы имеем право рассматривать этот вопрос как проявление преступной халатности, повлекшей за собой тяжелые последствия… Пока нам остается только радоваться, что беглецы не оставили после себя три красиво изувеченных трупа в погонах… А могли бы оставить… Я бы на месте этих, – последовал кивок в сторону конвоиров, – в благодарность за нежданное милосердие каждый день ходил бы в церковь и толстенные свечки Господу ставил… Тем не менее я вполне допускаю, что в дальнейшем беглецы могут оставить за собой и трупы, поскольку свидетелей на своем пути следования они оставлять, по логике, не будут, чтобы не показать направление своего движения. И преступную халатность, повлекшую гибель посторонних людей, мы имеем полное право классифицировать как уголовно наказуемое деяние. Вот так-то… Отвечать ведь кто-то должен. Не мы же с вами, не выходившие из кабинетов, должны отвечать за профессионализм конвоиров. Я лично на себя ответственность в данном случае брать не намерен.

– Если будут последствия, будем классифицировать, – согласился Виктор Васильевич, тоже не желая на себя брать ответственность из альтруистической любви к старшему прапорщику. – Не все им в конвоирах ходить, пора уже и под конвоем тоже, а то жалоб на них целая папка собралась… Надеюсь, им хоть в этом повезет, и конвой будет состоять не из бывших заключенных…

Конвоиры сдержанно молчали. Только у рыжего детины слегка пошлепывала от тряски разбитая губа, и звук этот напоминал отдаленные хилые аплодисменты…

Третий из старших офицеров, сидящий в кабинете подполковник спецназа ГРУ Бурлаков, молчащий до этого, только теперь встал, прошелся по небольшому кабинету и сказал, глядя куда-то за чистое, недавно вымытое окно:

– Здесь не все однозначно… Подполковник Тамаров прошел обучение на спецкурсе и прекрасно владеет техникой работы с отмычкой. Он наручники и

сам бы смог с помощью простой канцелярской скрепки снять, без помощи конвоира. А куском проволоки чуть покрепче смог бы любой замок открыть, даже сейфовый. – Подполковник повернулся и посмотрел на конвойных. – И вообще, я не представляю себе таких вертухаев, которые смогли бы удержать Артема Василича, если бы он пожелал убежать. Это диверсант высшей квалификации. Такие у нас в стране наперечет. Да и в мире, уверяю вас, таких спецов не много. Не будем судить этих недотеп строго. Живы остались, и пусть будут этим счастливы…

Следующий взгляд подполковника оценил, что прозвище «недотепы» конвойных совершенно не тронуло, а вот на слово «вертухай» они дружно поморщились. Рыжий даже губой шлепать перестал. Впрочем, этот вопрос касался только наблюдательности спецназовца, но не существа вопроса, и он на нем не остановился.

– И как мы теперь будем ловить вашего квалифицированного диверсанта? – поинтересовался полковник Холмогоров. – У вас какие-то предположения есть?

– Два варианта, только два… – категорично заявил Бурлаков. – Или они вдвоем отправились в Грузию, или они отправились туда же, но по одному… Поэтому вся разница состоит в том, ловить сразу двоих или ловить их поодиночке. Но и здесь скорее всего реальным выглядит тоже только один вариант. В настоящее время Тамарову негде больше искать поддержки и прикрытия. А он оказал помощь в побеге грузинскому шпиону. И вправе ждать от него ответной благодарности. Грузины в этом отношении народ такой, что хорошее помнят долго. И скорее всего они все же пойдут вместе. Грузинскому подполковнику одному будет слишком трудно выйти к своим, и российский подполковник постарается обеспечить ему безопасность как гарантию своего будущего благополучия и спокойствия.

– Граница уже плотно перекрыта, – сообщил полковник Ярилов. – Мы разослали ориентировки всем силовым структурам, готовим поисковые бригады, чтобы прочесать все дороги и ближайшие окрестности дорог по направлению в Грузию.

– Нынешняя граница плотно перекрытой не бывает, – спокойно, даже не посмеявшись над наивностью следака, возразил подполковник спецназа. – Вы говорите о нереальных вещах и пытаетесь на них опираться. Это неделовой подход. Где, кстати, вы собираетесь прочесывать дороги и, как вы сказали, окрестности дорог, хотя я, честно говоря, не понимаю этого определения?

– Что вы не понимаете?

– Понятия «окрестности дорог». Окрестности дорог до обочины? Окрестности дорог в два шага от обочины? Окрестности дорог в километр от обочины?

– Окрестности дорог в местах, где можно спрятаться…

– Это напоминает мне поездку в Москву с Кавказа через Камчатку… Боевая задача так не ставится. При постановке задачи постарайтесь быть конкретнее. Но все же какие дороги вы считаете предпочтительными?

– Все дороги от нас по направлению к Чечне… В самой Чечне, в конце концов…

– Это бесполезно. Подполковник Тамаров…

– Бывший подполковник… – заметил Холмогоров.

– У вас есть на руках приказ министра обороны или решение военного трибунала о его разжаловании? – Бурлаков вопросительно поднял брови. – Если приказа нет, он по-прежнему остается подполковником. Так вот, я продолжу. Насколько я знаю и понимаю подполковника Тамарова, он просчитал все ваши примитивные стандартные ходы наперед и, конечно же, не пойдет туда, где вы собираетесь его искать. Если бы бежали вертухаи, против них ваши методы могли бы дать какой-то реальный результат. Против профессионального военного разведчика и диверсанта они бездейственны. Ничего вы этим не добьетесь…

– И что вы, Александр Григорьевич, предлагаете? – спросил Холмогоров.

– Я, насколько помню, ничего конкретного никому не предлагаю. Я со своими подчиненными не занят в поиске и не думаю, что буду занят в ближайшее время. Я могу только, в самом крайнем случае, предположить, что Артем Васильевич выберет такой путь, который обеспечит ему и его сокамернику безопасность. Это пока большее, на что я способен…

– И куда же они пойдут? – с легким скепсисом спросил полковник Холмогоров.

– Я же сказал уже – в Грузию…

– Именно это мы и пытаемся предотвратить.

– У вас много лишних сил? Много подразделений, занятых в поиске?

– У нас не хватает людей, – признался, вступая в спор, Ярилов и попытался взять на себя функции миротворца.

– Тогда зачем вы выставляете их туда, где искать некого? Есть, конечно, кого искать… И наверняка парочку-другую каких-нибудь бандитов перехватить удастся. Без этого ни одно прочесывание окрестностей не проходит. Но двух беглых подполковников – увы… Их там не будет! Это точно…

– Так где же они будут? – вышел из себя полковник Холмогоров.

– А пойдут они, Борис Аркадьевич, в Дагестан, оттуда в Азербайджан и только из Азербайджана в Грузию. Я бы сам пошел только так, и подполковник Тамаров, я уверен, пойдет этим путем… Во-первых, их там никто не ждет. Во-вторых, граница с Азербайджаном, по сути дела, прозрачная, несмотря на то что официально для граждан Грузии она не так давно была закрыта. Ее перейти можно без проблем в светлое время суток в любом месте почти на глазах у пограничников… Стоит только слегка пригнуться, но и спину натрудить не успеешь… Один бы Артем Василич, может быть, и рискнул через Чечню двигаться, а с напарником, не имеющим его навыков, не умеющим элементарно проползти без звука пару километров, это слишком рискованно. Он этого напарника, как я сказал, будет на свой завтрашний день беречь… Кстати, молодые люди… – подполковник обернулся в сторону вертухаев, – трубки мобильников-то, как я слышал, у вас забрали…

– Забрали… – сказал водитель. – Мне жена новую трубку неделю назад подарила. На день рождения. Дорогая…

– Звонить сами по номерам не пытались?

– Нет… – за всех ответил рыжий. – Не с чего звонить… Хотя высказаться вежливо хочется…

– «Вежливо хочется» или «вежливо высказаться»?

Вертухай промолчал, показывая, что принципиальной разницы в формулировках он не видит. Этот подполковник вертухая раздражал уже тем, что был даже внешне похож на того, сбежавшего, виновника всех настоящих и будущих неприятностей.

– И не пытайтесь звонить. Спугнуть можете. Номера мне продиктуйте…

Подполковник не достал бумажку, чтобы номера записать. Но, выслушав каждого из пострадавшей на боевом посту троицы, каждый номер повторил, чтобы лучше запомнить.

– Эти недобитые нужны еще кому-нибудь? – полковник Холмогоров кивнул на вертухаев. Никто полковнику не ответил. – Тогда идите. Подписку о невыезде брать с вас пока не буду, но это – пока… Однако устно предупреждаю: считайте, что подписку дали. Будьте готовы явиться по первому требованию… Все, свободны до поры…

Конвойные, чуть друг друга не толкая, торопливо покинули кабинет.

– Александр Григорьевич, если не секрет, что вы с номерами делать собираетесь? – поинтересовался полковник Ярилов.

– Не секрет… Пока ничего. Подумаю, как можно воздействовать на подполковника Тамарова. С женой его поговорю… Может, удастся что-то выудить относительно его местонахождения.

– Вы хотите принять участие в его поимке? – напрямую спросил полковник Холмогоров.

– Если вы имеете в виду задействование в поисковых мероприятиях подразделений спецназа ГРУ, то, думаю, это не лучший вариант, потому что Артем Василич пользовался среди солдат и офицеров заслуженным уважением, и они его скорее спрячут, чем выдадут при обнаружении…

– Ну и дисциплина у вас…

– Они с ним вместе в бой ходили… И под его командованием ходили… И это не есть вопрос дисциплины… – ответил спецназовец. – А если вы имеете в виду мое личное участие в качестве консультанта, то я готов помочь и уже помогаю, поскольку поведение подполковника Тамарова бросает тень на всю бригаду, штабом которой я командую. А на нас и без того уже много всякого наговаривают. Пора прекратить эту дурную тенденцию…

– Хорошо, товарищ консультант, – сухо сказал полковник Холмогоров. – Так что вы конкретно предлагаете в качестве поисковых мероприятий? Вы предлагаете нам не забираться в Чечню, но блокировать Дагестан?

Ответить Бурлаков не успел. В дверь, после короткого стука, вошли еще два подполковника. Один в военной форме, но с ярко-голубыми просветами на погонах[7 - Ярко-голубые просветы имеют погоны офицеров ФСБ.], второй – в милицейской.

– Полку подполковников прибыло… – заметил Бурлаков, протягивая руку для рукопожатия.

С полковниками пришедшие здороваться не стали, поскольку расстались совсем недавно.

– Так что вы мне ответите? – настаивал на своем вопросе Борис Аркадьевич.

– Я, Борис Аркадьевич, не знаю, что у Тамарова в голове. Но могу предположить, что он пойдет через Дагестан. Я бы лично основные поисковые силы направил именно туда. А в Чечне задействовал бы только то, что там в наличии имеется. Там и без того сил достаточно. И даже тех, что вам подчиняются непосредственно по инстанции.

– Не так и много.

– Думаю, со спецназом МВД вы общий язык найдете… «Витязей» там хватает… И почти все «краповые», следовательно, с хорошей подготовкой…

– Найдем общий язык, – согласился Холмогоров.

– О чем речь? – спросил только что подошедший подполковник в военной форме.

– Вот, Александр Григорьевич оценил способности подполковника Тамарова и предлагает нам решение проблемы с собственной точки зрения.

– Дагестан – Азербайджан – Грузия?

– Точно так, Денис Петрович, – сказал Бурлаков. – Ты того же мнения?

– Я продумывал этот вариант. И нашел его наиболее вероятным.

– А я бы все-таки в Чечню силы направил, – выразил свое мнение ментовский подполковник Юхименко.

– И какие у тебя, Михаил Семенович, аргументы в пользу такого варианта? – спросил полковник Ярилов.

– Бандиты бегут в бандитский край. Так всегда бывает…

– Так то бандиты… С теми вы привыкли дело иметь, и у вас выработался стереотип. А они не бандиты, – поморщился подполковник Бурлаков. – Один из них просто иностранный шпион, второй стал убийцей в ситуации, в которой мог бы оказаться любой мужчина. Ну, не рассчитал своих сил… Такое случается… Превышение мер самозащиты – это все равно не бандитизм… Давайте называть вещи своими именами.

– Ладно… – решил Холмогоров. – Пойду докладывать руководству обе точки зрения. Что оно выберет, то и на вооружение примем… Все одно решать начальству, что бы мы тут ни надумали…

* * *

Уже после возвращения полковника Холмогорова от военного прокурора, когда вкратце было проведено совещание по выработке поисковых мероприятий, первыми кабинет следователей военной прокуратуры покинули подполковник Бурлаков с подполковником Долгополовым. Видимо, поговорить хотели без

посторонних. За ними увязался было и ментовский подполковник Юхименко, однако Долгополов, сопровождая слова тяжелым взглядом, напомнил ему:

– Ты, Михал Семеныч, хотел все сводки за сегодня просмотреть… Не забыл?

– Намек понял… – обиженно проявил Юхименко гибкость характера, развернулся и двинулся вверх по лестнице.

Подполковник спецназа ГРУ и подполковник ФСБ молча спустились и вышли на крыльцо.

– Никаких, как я понимаю, известий? – только там спросил Долгополов.

– Какие могут быть известия?.. День-два подождать необходимо… Может, тогда прояснение появится.

– Добро… Подождем… Поехали ко мне, что ли… Пусть Михал Семеныч свои сводки смотрит, а мы собственными поинтересуемся. Мне как раз доставят. У нас охват слегка пошире, и ментовские данные в себя вбирает, и агентурные данные плюсуются…

Машина Долгополова стояла здесь же, на служебной стоянке, с которой недавно и сбежали подполковники Тамаров и Мерабидзе, захватив автозак.

– Поезжай, Денис Петрович, я догоню… На своей…

Машина подполковника Бурлакова была припаркована не на служебной стоянке, а на стоянке для посетителей военной прокуратуры, расположенной чуть в стороне. До управления ФСБ ехать было всего-то пять минут по улицам с редким движением. Добротный внедорожник «Лексус» Долгополова не успел даже оторваться на этих улицах от «уазика» Бурлакова, и к высокому полукруглому крыльцу они подъехали одновременно.

Пропуск заказывать необходимости не было, поскольку Бурлаков следовал с подполковником управления, и в этом случае можно было обходиться записью в журнале дежурного. Потому и до кабинета добрались так же быстро. Открыв дверь, Денис Петрович запустил за порог гостя.

– Я на секунду отлучусь, подожди пока… Сводки принесу…

Пока Долгополов ходил, Бурлаков, зная, что секунда в подобные моменты, как правило, растягивается на добрый десяток минут, решил время попусту не терять и набрал со своей трубки давно знакомый ему номер.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Подполковник Бурлаков. Да-да… Я нашел номера тех трубок, что беглецы у конвойных захватили. Записывайте… Да. Когда что-то будет, сообщите, если будет возможность, сразу. Я в течение десяти-пятнадцати минут позвоню по пробным номерам, чтобы определить трубку подполковника Тамарова. Успеете за это время настроиться? Прекрасно… Мы сразу пару трубок проверим… С подполковником Долгополовым… Да, вместе… Я буду ждать, товарищ полковник…

И Александр Григорьевич выложил свою трубку перед собой на стол, потом на листке бумаги записал номера трубок вертухаев – это для подполковника Долгополова, не полагаясь на его память. Осталось только дождаться хозяина кабинета. Но ждать и в самом деле пришлось почти десять минут. Наконец, Денис Петрович вернулся.

– Есть два подходящих момента, которые могут, грубо говоря, дать след. Правда, чтобы оказаться там, нашим беглецам требовалось бы воспользоваться каким-то транспортом и проскочить неопознанными через заградительные посты.

– Что там?

– Оба происшествия в Дагестане. В первом случае убит милиционер на дороге. Убит ударом тяжелого предмета по голове. Возможно, кастет, возможно, еще что-то. Данных экспертизы еще нет. Похищено табельное оружие, документы и служебная милицейская машина. Машина брошена через двадцать километров из-за отсутствия бензина. Милиционер как раз на заправку отправлялся, когда с кем-то встретился. По машине тоже нет данных экспертизы. Сейчас там работают.

– А второе происшествие?

– Второе попроще… Два человека с тряпками на лице вместо масок вошли в дагестанское село с дороги. Зашли в окраинный дом, угрожая пистолетами, до полусмерти избили хозяина – он несколько часов встать не мог, связали хозяйку и забрали все съестные припасы, что в доме были. Обрати внимание… Село дагестанское. Жители – мусульмане. А этот пострадавший по национальности мордвин. Следовательно, не мусульманин. У него забрали копченое свиное сало… Отсюда можем сделать вывод, что нападавшие тоже не мусульмане…

– Позвони, Денис Петрович, следакам. У них наверняка таких сводок нет. Пусть посылают по следу своих «волкодавов»… Категорично не утверждай, но они сами сразу же станут утверждать категорично…

– Единственный вопрос – расстояние…

– Много вариантов… Помощник какой-то со своей машиной. Высаживает перед постом, они обходят, снова садятся в машину, едут дальше… Имеет право, скажем, шпион грузинской стороны иметь здесь помощника? Да хоть десяток, пока их всех не посадили… Все нормально, и на такой сигнал не отреагировать нельзя…

– Ладно. Кому из них лучше сбросить данные?

– Лучше Холмогорову. Он инициативный и… поверхностный. Звони. Потом мы еще и по этим номерам позвоним… – он перевернул листок с номерами трубок вертухаев и пододвинул Долгополову.

– Это…

– Это трубки вертухаев. Если они не избавились от них, а избавиться не должны были, я поднимаю по тревоге два своих батальона…

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

– Подполковник Тамаров. Слушаю тебя, Александр Григорьевич, предельно внимательно…

Артем Василич сразу узнал номер трубки своего начальника штаба бригады.

– Ты один, Артем Василич?

– Конечно, нет… – ответил Тамаров, с удивлением услышав, что в трех метрах от него, отвернувшись, Бессарион неразборчивым полушепотом разговаривает на грузинском языке.

Вывод напрашивался сам собой – пока российский подполковник спал, его грузинский коллега успел с кем-то созвониться по своей единственной трубке, поскольку две другие трубки остались в кармане Артема Василича, и номер этот зафиксирован для осуществления постоянной связи. Причем созвониться успел так, чтобы Тамаров разговора не слышал. Значит, отходил в сторону, оставив пост и спящего сотоварища по бегству без присмотра и беззащитного. И, судя по тону, звонил какой-то высокий чин, с которым следовало разговаривать уважительно. Конечно, это мог звонить и кто-то другой, знающий грузинский язык в достаточной степени, и звонить по тому же поводу, по которому звонил подполковник Бурлаков. К сожалению, понять, о чем разговор идет, было невозможно.

– Говорить можешь?

– В ограниченных пределах и коротко, – тоже шагнув в сторону, тихо ответил Тамаров. – Кто-то сейчас звонит моему сокамернику, разговаривают по-грузински… Не от тебя?

– Нет. Но я передал номера на контроль, твое местонахождение сейчас определяется со спутника, и наш разговор записывается. Как и разговор твоего товарища. Как вы, сдаваться не надумали? А то военная прокуратура рвет и мечет, а еще больше рвутся с вами вновь повстречаться вертухаи. И грозит уголовное преследование, если вы за собой где-то трупы оставите. Так что пожалейте парней…

– Не та ситуация, чтобы сдаваться. Вы попробуйте меня догоните… – уже громко сказал Артем Василич. – А вертухаям передайте, что я намереваюсь еще

вернуться и с ними встретиться повторно. Только тогда уже никто не будет знать, что это я с ними встретился. Я люблю работать скрытно и быть скромным. Один раз отработать скрытно не получилось, вот и попал за решетку. Больше так не хочу. Пусть поберегутся. И к другим заключенным… Впрочем, другие меня не касаются. Это можно не говорить…

– Ну ладно, живи, как можешь… – сказал подполковник Бурлаков. – Если не возражаешь, я буду тебе время от времени позванивать.

– Звони. Можешь ради этого даже деньги на номер положить. А то кончиться могут.

– Сделаю. У меня все…

– Буду тебе благодарен. Привет семье, Александр Григорьевич… И моей семье тоже привет передай. Я сам домой звонить пока не хочу…

– Позвоню… Бывай…

Тамаров убрал трубку и посмотрел на Бессариона. Тот смущения не испытывал.

– С командованием говорил?

– Наш начальник штаба бригады позвонил. Интересуется, не собираюсь ли я сдаваться. Но, кстати, рекомендаций по сдаче не давал. Понимает, что наш побег репутацию спецназа ГРУ поднимает. Где он только номер этот раздобыл?

– А где он мог?

– Только у вертухаев спросить…

– А сам ты не звонил ему? – В голосе Бессариона звучало непонимание.

– Зачем? Он мне прикрытие не обеспечит. Если бы я из Грузии бежал в Россию, я бы позвонил, как ты своему командованию позвонил. А здесь все с точностью до наоборот. Что твои?

Бессарион считал, похоже, что его звонок своему командованию встретил полное понимание. Да это и было, собственно говоря, естественно.

– Дали рекомендации по маршруту. Примерно то же самое, что я предлагал сам. И дали имена людей, к которым можно обратиться смело. С ними уже связались. Они помогут.

– У меня такое впечатление, что я в Грузии нахожусь, а не ты в России. Ты на моей земле помощь находишь. Но я на твоей найти не смогу…

– Как так? – не понял Мерабидзе. – А я? Разве я – не помощь?

– Я не про то. Я про то, что в случае гипотетического побега с тобой из Грузии я не смог бы найти там помощь. Из Грузии, а не в Грузию…

Бессарион на такое хитрое переплетение понятий только плечами пожал. Русский язык он знал достаточно хорошо, наверное, когда-то и учился в России или еще в Советском Союзе в последние годы его существования. Но многие понятия все же путал. И предпочитал голову себе не загружать.

– Это хорошо, когда командование поддерживает, – прервал сомнения грузинского подполковника подполковник российский, переводя разговор в нужное русло. – Меня вот не поддерживают, хотя и не сдают. Я и за это благодарен. Но что у нас впереди? Маршрут сильно меняется?

– Почти не меняется. Но я сам не знаком с людьми, к которым тебя вел, и потому вынужден был позвонить в Тбилиси, чтобы им дали команду встретить меня.

– Вот как, – усмехнулся Тамаров. – Команду людям на российской территории? Я, конечно, не контрразведчик, и тебе в этом, можно сказать, повезло, иначе у меня мог бы профессиональный инстинкт сработать. А такой инстинкт бывает сильнее инстинкта самосохранения. К счастью, у меня существует только инстинкт разведчика и диверсанта. А контрразведкой пусть контрразведчики интересуются. Им за это жалованье платят.

– Меня такой подход устраивает, – согласился подполковник Мерабидзе. – Я только что в разговоре обсуждал этот же вопрос. Не слишком ли рискованно

вести за собой офицера российской разведки? Мое начальство в тебе сомневается. Но я попытался убедить их в безвыходности твоей ситуации. Меня просили поговорить с тобой серьезно. В качестве гарантии мое руководство просит дать твой домашний адрес.

Это было высказано словно бы мимоходом, как само собой разумеющееся.

– То есть за то, что я не только сам бежал, хотя мог бы бежать и просто один, тебя не дожидаясь, а помог убежать и тебе, ты желаешь взять в заложники мою семью? – с милым невинным любопытством Артем Василич попытался посмотреть в глаза Бессариону. Тот смотрел в землю.

– Извини… – ответил, наконец. – Это было требование моего руководства. Но без этого условия я не могу вести тебя туда, куда сам идти намереваюсь. Я человек военный и не могу ослушаться приказа. Пойми меня правильно. Ты тоже человек военный. И должен это понять. Мое руководство подозревает, что ты – «подсадная утка». Пусть это не так, не возмущайся, но это вполне допустимый вариант.

– Я не сомневаюсь в тебе. Я сомневаюсь в твоем руководстве. Но если они опытные циркачи, я могу дать им адрес. Он легко запоминается: ДОС, дом номер четыре. Улицы и номера квартиры нет.

– При чем здесь циркачи?

– Голову в пасть льву суют только в цирке… Знаешь, что такое ДОС?

– Нет.

– Это аббревиатура. ДОС – дома офицерского состава. Жилой военный городок на территории бригады спецназа ГРУ. У твоего командования есть пропуск для входа на территорию бригады? Прошу пожаловать… Там мило встретят… Только у нас там прокуратуры нет, и вообще прокурорские методы не в моде. Там военные отношения, и даже протоколы допроса не пишутся. Влепят в вену укол скополамина[8 - Скополамин – психотропный препарат, так называемая «сыворотка правды». Поражает на какое-то время участки мозга, отвечающие за речевые способности. Вызывает неудержимое желание болтать без умолку. Дело допрашивающего своими вопросами или репликами направить разговор в

нужную сторону, чтобы добиться результата. Используется почти всеми спецслужбами мира, но ни в одной стране допрос под воздействием скополамина не считается в суде доказательством.] и начнут беседовать, чтобы выяснить, в какую сторону я пошел… Сообщай… Советую сунуться… Может, повезет, и прокуратуре разрешили следить за семьей внутри городка. Тогда твои проверяющие в прокуратуру попадут и твое место займут… Только им может так не повезти, как тебе, и не окажется у них сокамерника с моей подготовкой. Тогда – суд и «зона»…

Подполковник Мерабидзе вздохнул непритворно.

– Не обижайся на меня. С твоего разрешения, я позвоню и объясню ситуацию.

– Звони… – пожал плечами Тамаров. – Только быстрее. Нам идти еще далеко…

И сам отошел на пару шагов в сторону, сел на камень и отвернулся. Бесо набрал номер и стал разговаривать. Естественно, разговор велся на грузинском языке. И долго не продлился.

– Идем, Василич… – позвал Бессарион.

– Что твое начальство?

– Что оно может сказать? Мне порекомендовали соблюдать осторожность… В случае осложнения рекомендовали застрелить тебя сразу, без разборок…

– Спасибо за предупреждение. Я сам, честно говоря, подумывал, стоит ли мне с тобой идти. Не проще ли было бы одному пробраться через все заслоны… А не то, если вместе с тобой попадемся, мне могут «двести семьдесят пятую» припаять… А «государственная измена» у нас судится строго… Боюсь только, ты без меня не пройдешь. Ладно. Посмотрим. Может быть, я тебя с рук на руки твоим друзьям передам, посмотрю, на что они способны, да и уйду своим путем. Время покажет…

Артем Василич старался не показать обиды, но глаза у него все же были холодными, и смотрел он более отчужденно, чем раньше…

* * *

До поста шли быстро. Но расстояние было слишком невелико, чтобы полностью, что называется, включиться в маршевое движение, как это было ночью. Ночью подполковник Тамаров умышленно задал высокий темп, который вообще-то был им насущно необходим, но одновременно спецназовец присматривался по мере возможности к Бессариону и прислушивался к его дыханию, чтобы знать на будущее, если возникнут форсмажорные обстоятельства, возможности партнера. Но шел грузинский подполковник на удивление хорошо, дышал ровно и показывал неплохую физическую форму. Видимо, не зря он легкой атлетикой занимался, и тащить его на себе необходимости не возникало. Да и характером Бесо обладал упорным и умел заставлять себя перешагивать через собственную усталость.

Путь они выбирали такой, чтобы их не было видно с дороги. А там уже началось движение, и машины шли практически одна за другой в ту или иную сторону. Идущие из Чечни едва ли надумают вернуться, если кого-то увидят в стороне. А вот идущие в сторону поста представляли опасность, и от них необходимо было прятаться. Хорошо еще, что движение было не настолько плотное, чтобы невозможно было хотя бы время от времени идти в полный рост.

На административной границе Чечни, насколько помнил Артем Василич, много раз проезжавший это место, дорога проходила через низину меж двух возвышенностей. Прямо на асфальтовое полотно там были выставлены тяжелые железобетонные фундаментные блоки, перегораживающие правую полосу движения, а через двадцать метров точно так же перегораживающие левую полосу, чтобы машины, идущие что в одну, что в другую сторону, не могли миновать посты на высокой скорости. Когда-то здесь даже шлагбаум был, но времена изменились, и шлагбаум убрали.

Раньше проезд охранялся постом российской армии, временами здесь даже бронетранспортер держали. Потом на смену армии пришла милиция. Бронетранспортер все же оставался еще некоторое время, потом и его перегнали куда-то в более напряженные места. А пару лет назад пост ставропольской милиции сменила милиция чеченская. Иногда здесь вообще стоял только пост дорожно-патрульной службы без усиления, иногда усиленный омоновцами.

Дорога с двух сторон прикрывалась невысокими, но очень густыми кустами. Вдоль всего асфальтированного полотна, уже по другую сторону от кустов, была прокопана достаточно глубокая канава-кювет. А по ту сторону канавы и кусты были вырублены на расстояние метров в тридцать, и даже трава регулярно выкашивалась, потому что здесь в округе рос высокий ковыль, в котором легко было бы спрятаться.

К посту следовало присмотреться внимательно, и лучше всего это было сделать со стороны.

– Здесь стоим… – сказал Тамаров, сопровождая слова жестом, чтобы остановить разогнавшегося Бессариона.

Голос Артем Василич умышленно приглушал не потому, что пост был рядом – до него еще десять метров подъема на сопку оставалось и метров полста спуска. Но мало ли кто пожелал прогуляться по окрестностям. Кроме того, сопка со стороны Ставропольского края намного превосходила высотой сопку со стороны Чечни, и раньше здесь, чуть ниже вершины, был стационарный наблюдательный пост, усиленный пулеметной точкой, откуда просматривалась вся дорога до вершины противоположной сопки. Подполковник Тамаров о существовании наблюдательной точки знал и потому предположил, что подразделение, выставленное для усиления поста, чтобы иметь обзор, могло бы и на старую, давно заброшенную точку выставить своего наблюдателя. Конечно, без пулемета, поскольку пулеметом пространство перекрывается на случай силового прорыва. Здесь же говорить о силовом прорыве не приходилось, следовательно, хватило бы и одного наблюдателя. По крайней мере если бы сам Тамаров командовал усилением поста, он наблюдателя выставил бы обязательно.

– Подожди… Не выдвигайся… Я один посмотрю… – потребовал спецназовец, а сам, пригнувшись, легко, как тень, и так же неслышно перебежал до вершины, где присел на корточки за раскидистым низкорослым кустом.

Сверху хорошо было видно, что происходит там, на пересечении административной границы дорогой. На бетонную будку была прикреплена вывеска «ДПС», а рядом с дорогой стояли менты в зеленых сигнальных жилетах. В последний раз, когда Тамаров проезжал этим путем, вывески, помнится, еще не было. Но его не вывеска интересовала и даже не менты с традиционными жезлами и тупорылыми «АКСУ» за плечами, а полтора десятка парней в

армейском камуфляже, но с неармейскими беретами. «Краповые»… Спецназ внутренних войск.

Пересчитав спецназовцев на дороге, Тамаров легко предположил, что пятерых членов двух отделений здесь явно не хватает. Может быть, даже шестерых, потому что где-то там же, внизу, и командир, который в общее число входить не должен. Где могут находиться пятеро бойцов? Естественно, в засаде. А где засада?

До наблюдательного пункта с вершины сопки было около десяти метров. Там места на двоих и, если потесниться, даже на троих хватит. Только нужно ли концентрировать силы на одной отдаленной от дороги на сорок метров точке? Нет в этом смысла. Значит, там может оказаться только один боец. Остальные где-то в стороне. Наверняка часть из них и по ту сторону дороги прячется. Наличие засад требовалось проверить и маршрут себе обеспечить безопасный, поскольку способность Бессариона к скрытному передвижению Тамаров еще не испытывал.

Осмотрев склон, Артем Василич маршрут выбрал сразу. За кустами его снизу видно не будет ни под каким ракурсом. Все остальное уже было делом техники и тренированности самого беглеца, дело его профессиональной подготовленности.

Долго не раздумывая, Тамаров пополз в обход кустов на вершине, чтобы не привлечь внимание шевелением веток, потом, завершив вынужденный полукруг, резко изменил направление и двинулся вниз. Он полз и сам прислушивался к своим передвижениям. Ухо звуков не улавливало, и хотелось помянуть добрым словом подполковника Бурлакова, который, не согласовывая свои действия с командованием в Москве, внес изменения в стандартное расписание занятий, на свой страх и риск сократив тренировки по рукопашному бою и втрое увеличив время занятий по скрытному передвижению. Причем обязательность этих занятий одинаково касалась и солдат, и офицеров, невзирая на звания. Ну, исключение составляли командир бригады и его заместители. Но для линейных офицеров бригады исключений не было. Бурлаков был спецназовцем старой школы и знал, что делал. И подполковник Тамаров уже многократно испытывал к начальнику штаба чувство уважения и благодарности, потому что с навыками скрытного передвижения работать приходилось постоянно, тогда как рукопашная схватка была исключительной редкостью.

Впрочем, во время передвижения Артему Васильевичу о благодарности думать хотелось меньше всего, поскольку голову следовало занимать другим. Он не только к точке наблюдателя подбирался, он еще и всю территорию склона и дорогу внизу тоже контролировал. К счастью, как раз к этому моменту внизу скопилось несколько машин, и все там, на месте, были заняты досмотром. «Краповые» к службе относятся всегда всерьез и досмотр проводят с полным вниманием. Следовательно, по сторонам не смотрят…

Точка наблюдателя была врыта в землю. Бетонный стакан, на стенки которого с двух сторон положено несколько бревен. И что-то крышу напоминающее. И все это принесенным издалека дерном прикрыто. Не ахти какая маскировка, но для взгляда издали годится. Спереди еще несколько камней уложены. Это с тех времен, когда здесь пулеметное гнездо находилось.

Боец в краповом берете просматривался легко. Опасаясь, что наблюдатель может обернуться, Тамаров отполз в сторону, чтобы подбираться, прячась за боковой стенкой. Это удалось без особого труда. Так, необнаруженный, подполковник беззвучно прокрался к самой наблюдательной точке. Отчего-то очень хотелось заглянуть за угол, чтобы увидеть, чем наблюдатель занят. Но это обычная ошибка, свойственная новичкам, и Артем Василич на позыв не клюнул. Это только кажется, что для подготовки атаки требуется время. В действительности может оказаться так, что времени-то у тебя как раз и не будет. Если наблюдатель по какой-то причине окажется лицом к выходу и если он не просто хорошо тренирован, но и обладает отменной реакцией, он сразу нанесет удар любопытному. И потому Тамаров только дыхание перевел и шагнул за угол. Но и шагнул, конечно, беззвучно, уже готовый к нанесению удара. Момент оказался подходящим. Наблюдатель запрокинул голову и поднял фляжку, желая попить, и в этот момент рука подполковника спецназа ГРУ сама собой «выстрелила». Удар наносился основанием ладони в затылок. Можно было бы ударить чуть-чуть ниже и убить наблюдателя. Но этого подполковник позволить себе не мог. Конечно, сотрясение мозга наблюдателю в любом случае обеспечено, как и длительная потеря сознания. Но по крайней мере жив останется.

Ни на мгновение не задерживаясь после удара, Артем Василич ногами вперед нырнул в укрытие, тут же вытащил у поверженного противника длинный брючный ремень, связал тому руки за спиной, а конец ремня привязал к согнутой ноге. Будь ремень подлиннее или имейся в руках подполковника веревка, он связал бы наблюдателя на «Бабу Ягу», как звали в спецназе способ связывания

пленников, при котором в дополнение к уже сделанному конец связки перехлестывает горло, и любая попытка освободиться вызывает удушение. Но пришлось обойтись тем материалом, что под рукой оказался. Да и совершенно ни к чему было оставлять фирменный след своего рода войск. Краповый берет вполне подошел на роль кляпа, который с трудом, с ввинчиванием все же поместился во рту.

Внимание подполковника привлек булькающий звук. При падении «краповый» фляжку выронил, и вода вытекала на землю. Та самая вода, о которой так мечталось только час назад. Завернув крышку, Тамаров убрал фляжку в карман. Осмотрелся и увидел лежащую чуть в стороне упаковку с сухим пайком. Хотел было и ее взять, но вовремя отдернул руку. Нет… Этого пока брать нельзя… А вот автомат – дело, может быть, нужное. А еще более нужное дело – мощный бинокль…

Но самая ценная находка – подробная топографическая карта в планшете. Карта разбита на квадраты, чтобы удобно было сообщать, где и что происходит. И знакомые условные обозначения показывали, где стоят посты наблюдателей, где выставлены две мины и четыре «растяжки». Командир группы «краповых» оказался, к счастью, человеком предельно аккуратным и ответственным. Если мины командиры на карте обычно отмечают, то «растяжки» отмечают далеко не всегда. Их даже снимают не всегда, считая, что на чужой территории – а Чечню российские войска считают чужой территорией – это вовсе не обязательно.

Наблюдатель зашевелился. Но он лежал лицом вниз и видеть подполковника не мог.

– Извини, братан, – сказал Тамаров умышленно с сильным кавказским акцентом. – Прощай и поправляйся…

И покинул точку, прихватив напоследок и переговорное устройство, чтобы вовремя услышать, если поднимется тревога. Только перевалив верхнюю точку сопки, нашел глазами подполковника Мерабидзе, показал ему направление движения в обход наблюдателей и сам быстро двинулся напрямую, срезая угол…

Подполковник Бурлаков только успел завести двигатель машины и положить руку на рычаг переключения передач, когда увидел, как на крыльцо управления выскочил подполковник Долгополов, сразу отыскавший глазами «уазик» и сделавший знак рукой. Пришлось прямо к крыльцу подъехать.

– Александр Григорьевич, наши следаки требуют нас к себе. Срочно… Получены какие-то новые данные. Следаки в недоумении, хотят посоветоваться…

– Садись, поехали… – вздохнул, но согласился Бурлаков. – Им долго еще в недоумении пребывать… А нам мотаться из конца в конец города… Можно подумать, служба наша для того и предназначена, чтобы чужие сомнения анализировать. И вообще, я с них, пожалуй, деньги на бензин возьму…

Город, впрочем, был слишком невелик, чтобы разориться на бензине.

– Поезжай, я догоню. Мне еще кабинет закрыть нужно и дежурного в известность поставить. Это недолго…

Александр Григорьевич добрался до военной прокуратуры без задержек и минут пять еще ждал, когда Долгополов подъедет. Видимо, дежурного в известность пришлось ставить долго. Бывает, что дежурные непонятливые выпадают…

Два старших следователя по особо важным делам по-прежнему заседали в кабинете полковника Ярилова. Стол хозяина кабинета оказался заваленным разрозненными листочками бумаги, которые следаки тщетно пытались разложить на кучки. Часть бумаг была в руках ментовского подполковника Юхименко, тоже застрявшего здесь.

– Мне остается только радоваться, что к нам в бригаду сводки не поступают, – с ходу определив, что за бумажки лежат на столе в таком количестве, показал свое великое счастье подполковник Бурлаков. – Чем обрадовать рветесь?

– Очень хочется порадоваться? – поинтересовался полковник Холмогоров.

– Да, Борис Аркадьевич. Очень хочется. А то вести со всех сторон какие-то безрадостные поступают. Но я хотел бы завершить наш разговор быстрее, потому что вместе со своими выступаю на боевую операцию и помогать вам

скорее всего долго уже не смогу. Как, справитесь без меня?

– Куда выступаете?

– Это определено приказом, но приказ я еще не видел. Не могу удовлетворить ваше любопытство. И даже после того, как приказ увижу, удовлетворить его не смогу… Такие данные, как вы знаете, не публикуются в печати…

– Ладно… – сказал полковник Ярилов. – Это все пустая лирика… Мы получили сообщение от Дениса Петровича. Интересное, надо сказать, сообщение. Два случая в Дагестане, один за другим… И оба по времени подходят и направление рисуют…

– Тогда в чем сомнения? – спросил подполковник Долгополов.

– А сомнения в том, – вступил в разговор подполковник Юхименко, – что нам пришла еще одна сводка, ведомственная. Самые свежие новости…

– Новости, Михал Семеныч, не бывают несвежими, – заметил Бурлаков. – Иначе они уже перестанут быть новостями. Но мы и просто новости, без свежести, готовы выслушать…

– На административной границе с Чечней в усиление поста ГИБДД был выставлен пост спецназа внутренних войск «Витязь», чтобы блокировать проезд наших беглецов, – объяснил полковник Холмогоров. – И там произошла неприятность. Командир группы выставил несколько скрытых одиночных постов в заслон. И произошло нападение на один из таких постов. Похищено оружие с запасом патронов, средства связи, бинокль, две гранаты и фляжка с водой…

– С водой или с водкой? – переспросил Долгополов.

– Согласно сообщению, фляжка с водой.

– Продукты питания были?

– Да. Я специально спросил. Был сухой паек. Остался нетронутым…

– Нападавшие… – пожелал уточнить Бурлаков.

– Неизвестно. Нападавший подкрался неслышимым и нанес удар в затылок.

– Труп?

– Нет. Травма головы. Скорее всего тяжелое сотрясение мозга. Это заключение фельдшера группы. Врач осмотр еще не производил.

– Местные… – категорично сказал Бурлаков.

– Почему так думаете? – не принял категоричности полковник Ярилов.

– Во-первых, место происшествия… До административной границы дойти пешком за такое короткое время весьма проблематично. Не каждый сумеет. Ну, предположим, Тамаров сумел бы, будь он один. Но с ним не подготовленный соответствующим образом грузинский агент. Агенты обычно не бывают подготовлены настолько, чтобы тягаться со спецназом. Я бы предположил, что они захватили машину и на машине преодолели расстояние, которое можно было преодолеть без помех. Но это, я сам понимаю, аргумент слабый. Главный аргумент – нетронутый сухой паек. И здесь я категоричен. Они уже сутки без пищи.

– И без воды… – сказал Холмогоров. – И потому взяли фляжку…

– Напиться они могли в любом ручье. Не через пустыню идут. Что касается фляжки, я склонен предположить, что там была водка.

– Меня смущает тот факт, как все было исполнено, – сказал Ярилов. – Краповый берет, известно, просто так никому не дают. «Краповые» – бойцы испытанные, опытные, великолепно владеющие ситуацией. И такого опытного бойца… Вывод прост. Опытного бойца обезвредил более опытный боец. Вы же, Александр Григорьевич, говорили нам, что Тамаров – диверсант высшего класса. И здесь действовал такой же…

– Не вижу здесь особой степени мастерства, – спокойно ответил подполковник Бурлаков. – Навыки боевых действий – да, они налицо. Но это же мог вполне

повторить любой офицер нашей бригады. Ситуация элементарная. И я лично встречал множество боевиков, способных на подобные действия. Не вижу я здесь следа Артема Василича, хоть убейте… Но настаивать ни на чем не буду. Ваше дело – решать…

– А вы, Денис Петрович, что скажете? – поинтересовался у Долгополова полковник Холмогоров. – Как вам ситуация?

– Разгильдяй – так это в армии называется. Разгильдяй, а не «краповый»… Пусть это и не армия, а внутренние войска…

– Значит, поворот в сторону Чечни ты не поддерживаешь? – спросил Юхименко.

– Меня не впечатляет нападение на «крапового». Вот похищение продуктов и особенно копченого сала там, где кругом мусульмане и живут, и в бандах состоят, это – да, это впечатляет и наводит на определенные мысли.

– А грузины что же, тоже христиане? – с ментовской дотошностью переспросил Юхименко.

Долгополову показалось, что Михаил Семенович ответ собрался даже записать на листочке, который в руках держал. И даже ручку приготовил.

– Они стали христианами раньше нас. На целых три века опередили. И тоже православные, хотя у них православие чуть-чуть другое.

– Вообще-то, вопрос веры – не критерий, – сказал Бурлаков. – Те же чеченцы тоже были раньше христианами, вплоть до седьмого века. Но у них была дурная традиция. Старшего сына, чтобы прокормить семью, продавали в рабство в мамлюки, к арабам. Там их насильно омусульманивали. Потом, когда мамлюки захватили власть в Египте и началась мусульманская экспансия на восток, мамлюки-чеченцы вернулись домой и насильно заставили свой народ принять ислам. Наверное, раньше они и к свинине относились нормально. Сейчас, правда, не едят… А в Дагестане вопрос веры вообще стоит остро… И я бы принял тот случай похищения копченого сала за прямой след… Но настаивать, повторю, не буду… И… Если это все вопросы…

Подполковник посмотрел на часы, показывая, что ему пора откланяться.

Холмогоров в кулак кашлянул.

– Мы надеялись, Александр Григорьевич, что вы по почерку определите действия спецназовца. Даже записали по телефону показания пострадавшего в деталях. Полюбопытствовать не хотите? Тут все записано. И показания командира группы тоже…

Бурлаков взял в руку протянутые ему листы компьютерной распечатки. Пока следаки ждали приезда двух подполковников, успели и текст набрать, и распечатать, и даже чай попить, потому что на странице распечатки отчетливо обозначилось коричневатое кольцо от стакана. Прочитать пару страниц дело, впрочем, не долгое. Александр Григорьевич присел на стул у стены и быстро забегал глазами по строчкам.

– Относительно стиля спецназа… Метод связывания противника… У нас это называется «Бабу Ягу сделать». Сам стиль на начальной стадии похож, но не завершен. Офицер спецназа обязательно бы завершил начатое. Этим он себя надолго обезопасил бы…

– Конкретно. В чем незавершенность?

– Петля захлестывается на согнутой ноге и перебрасывается через горло. Когда связанный пытается освободиться, он сам себя придушивает и попытки быстро прекращает. Освободиться может только с посторонней помощью. Еще… Удар, как я понимаю, был нанесен в затылок. Так сзади бьют только дилетанты. Офицер спецназа, тем более такой опытный офицер, как подполковник Тамаров, не задумываясь, ударит ниже и сломает основание черепа. Тогда ему уже и связывать будет некого, и время терять не придется…

– Значит… – Холмогоров просил сделать конкретный и категоричный вывод.

– Значит, вам предстоит самим вынести решение после всего, что я сказал… А мне уже пора… И так придется по городу гнать на предельной скорости. А моя машина скорость не любит…

Подполковник, прощаясь, лихо козырнул и направился к выходу. Других вопросов к нему не было, и никто не помешал Александру Григорьевичу покинуть здание военной прокуратуры. И только когда он уже сел за руль своего «уазика», раздался телефонный звонок.

Бурлаков вытащил из чехла трубку. Глянул на определитель и удовлетворенно кивнул сам себе. Этого звонка он давно ждал.

– Подполковник Бурлаков. Слушаю вас, товарищ полковник.

– Александр Григорьевич, поздравляю. Хорошо сработали. Мы их засекли и контролируем передвижение одновременно с трех спутников. Имеем возможность время от времени посмотреть даже в режиме on-line. Я сам с удовольствием наблюдал, как Тамаров нейтрализует наблюдателя «краповых». Четко и без суеты работал.

– Как изображение, товарищ полковник?

– Не намного хуже старенького телевизора. Но интереснее… А другое еще интереснее…

– Что?

– Разговоры подполковника Мерабидзе с руководителем специальной службы внешней разведки Гелой Бежуашвили. Таким образом, после этого звонка мы знаем, что подполковник Мерабидзе представляет вовсе не департамент военной разведки грузинского Министерства обороны, как он сам себя позиционировал. Он более серьезное лицо, имеет полномочия более широкие, чем сообщал на допросах, и задача перед ним ставится совсем не по сбору сведений о российской армии. Специальная служба внешней разведки специализируется не на разведке как таковой, а на организации провокаций. И потому предупреждаю, что выпустить Мерабидзе нельзя ни в коем случае. Лучше застрелить, чем выпустить.

– Я понял, товарищ полковник.

– Еще… Бежуашвили с недоверием отнесся к подполковнику Тамарову и готов видеть в этом акцию российской контрразведки. И даже посоветовал Мерабидзе сразу после соединения с Кахиром Лорсануковым ликвидировать Артема Васильевича. Надо сказать, что сам Мерабидзе совет не воспринял и даже заявил, что наладил с Тамаровым дружеские отношения. Тем не менее согласился затребовать у твоего подполковника адрес семьи…

– Так этого мы ожидали. Это обычные методы их работы. Семью временно переселили в ДОС при бригаде. Туда никто посторонний не сунется. И все бытовые вопросы уже решили. Там не подкопаться…

– Ладно. Что у вас на месте?

– Ждали вашего звонка. Вылетаем сразу, как только я в бригаду прибуду. В течение часа…

– Тогда жди корректировки. Не забудь с вертолетчиками договориться, что у тебя трубка останется включенной. Предупреждай их в момент звонка. У них при разговоре сбои в приборах идут. Если предупреждены, сориентируются…

– Сделаю, товарищ полковник. Значит, буду ждать корректировку…

– Удачи…

– Так точно… Мы постараемся…

* * *

Начальник штаба бригады спецназа ГРУ ничуть не лукавил, говоря о дефиците времени. Он в самом деле сильно спешил и по улицам города проехал, старательно забыв про правила дорожного движения. Впрочем, проехал при этом аккуратно и, за исключением скоростного режима, других правил не нарушал, хотя скоростной режим превышал намного. А однажды даже остановился на «зебре», пропуская переходящую дорогу старушку с тяжелой сумкой в руках, и старушка на переходе кланялась непривычно вежливой машине. Но в бригаду Александр Григорьевич успел вовремя. И даже имел время на то, чтобы переодеться в полевую форму, без которой, конечно же, чувствовал

бы себя неуютно даже на «вводной», которую офицерам двух батальонов давал он лично. Командир бригады при этом только присутствовал, поскольку всю операцию, задуманную в Москве в то время, когда командир бригады был в отпуске, разрабатывал и детализировал только подполковник Бурлаков. И командир, вернувшись после отдыха в часть, хотя и ознакомился со всеми материалами, все же в чужие разработки не лез, чтобы своими действиями не насиловать чужую мысль. Хотя кое-какие коррективы все-таки внес. Но это были мелочи типа того, что запланированные потери были уменьшены вдвое. Все остальное ложилось на плечи и голову Бурлакова. И именно потому подполковник так спешил.

Впрочем, «вводная» была предельно короткой. Каждая отдельная группа выходит на заранее запланированный рубеж в районе чеченско-ингушской административной границы и в районе границы между Ингушетией и Северной Осетией, и там в скрытом режиме дожидается конкретного приказа с данными о месте дислокации банд, которые требуется уничтожить. Десантирование будет осуществляться с вертолетов в отдалении от места базирования, и каждой группе дается двенадцать часов на скрытый выход в собственную точку «икс», из которой предположительно предстоит начать боевые действия. На границу Чечни и Ингушетии открыто и скорее всего с опозданием выступят милицейские подразделения республик, на которые возлагается основная задача по выполнению приказа. Две группы спецназа ГРУ в этом случае должны только запереть бандитов до прихода основных сил в ущелье, официально объявить о случайной встрече, не раскрывая при этом общего плана, и впоследствии только наблюдать, чтобы никто не вышел из запланированного окружения. Исходя из обстановки и в целях маскировки общих действий на административную границу Чечни и Ингушетии выставляются только две группы, каждая в составе взвода, то есть силы недостаточные, чтобы уничтожить крупную банду, но достаточные, чтобы сковать передвижение банд и выдержать непродолжительный бой. Это необходимо для дальнейшего проведения операции. А основные силы спецназа ГРУ тоже повзводно рассредоточатся на границе Ингушетии с Северной Осетией, где после отвлечения сил милиции на границу с Чечней предполагается встретить широкомасштабные действия бандитов, противостоять которым внутренние силы самой Северной Осетии будут не в состоянии.

Вот и вся «вводная». Естественно, в нее не входили данные разведки, согласно которым несколько крупных банд намереваются объединиться в одну очень крупную для проведения серьезной операции в Северной Осетии под командованием эмира Кахира Лорсанукова и под идейным руководством радикального имама Ризвана Мовсарова, властителя умов мусульманской

молодежи, в основном безработных парней. В планы боевиков входит выступление первоначально на границе Чечни и Ингушетии, чтобы отвлечь туда силы милиции двух республик, наиболее подготовленные для борьбы с бандами. Милиция в Северной Осетии к подобным действиям способна мало и не сможет противостоять основным бандитским силам. Естественно, в дело могут быть пущены подразделения пятьдесят восьмой российской армии, но армия разворачивается долго, и до того, как она развернется, дело может быть сделано. Косвенные разведданные показывали, что конечной целью боевиков является вход в Рокский тоннель, соединяющий Северную Осетию с Южной Осетией, с последующим взрывом самого тоннеля. Одновременно по другую сторону Кавказского хребта неподалеку от границы Южной Осетии с Грузией, той самой границы, которая перестала уже быть административной, превратившись с некоторых пор в государственную, что совершенно не устраивает грузинскую сторону, согласно данным все той же разведки, концентрируются грузинские воинские силы. В случае взрыва Рокского тоннеля Южная Осетия окажется, по сути дела, отрезанной от северных соседей. И ситуация никак не будет напоминать события августа 2008 года, когда по тоннелю прошла пятьдесят восьмая российская армия. Поддержку Южной Осетии Россия сможет оказать только авиацией. Но грузинская сторона в этот раз и к отражению авиационных ударов готовится лучше, выставив к границе вдвое больше средств противовоздушной обороны, закупленных теперь уже не только на Украине, но и в Израиле, и в других странах. И количество соответствует запросам. Зря, что ли, американцы выделяли деньги на восстановление Грузии после прошлого разгрома.

Этого всего подполковник Бурлаков не рассказывал во время прочтения «вводной». Солдатам и младшим офицерам, которые готовятся идти в бой, вовсе ни к чему знать все то, что известно только на уровне высшего армейского руководства. Им дается лишь приказ к выполнению конкретной задачи, и этот приказ должен быть выполнен. В остальном даже подполковник Бурлаков сам был не в курсе всех дел. Он мог только предположить, что пятьдесят восьмая армия уже взяла под усиленный контроль все проходы к устью Рокского тоннеля и отдельными подразделениями готова перекрыть все пути и проходы боевикам. А базирующиеся в Северокавказском военном округе десантные подразделения готовы уже к погрузке в самолеты, чтобы десантироваться по ту сторону Кавказского хребта в случае, если с тоннелем все же что-то произойдет. Но предположения, даже собственные, Александр Григорьевич предпочитал не обсуждать, потому что у командования могут быть свои планы, на которые он со своим званием и должностью повлиять никак не может, следовательно, и тратить силы и время ни к чему.

Но вот повлиять на другие события может и он. Повлиять, командуя своими солдатами и подчиненными офицерами. Если не допустить объединения разрозненных банд в одну крупную, их уничтожить будет гораздо легче. Но для этого следует в первую очередь выяснить, где сами банды находятся. Во вторую очередь следует скрытно к ним подобраться. В третью – одновременно блокировать все банды. Для этого сил двух батальонов должно хватить. Если не хватит, то недолго и подмогу вызвать. Сразу же выступать большими силами рискованно. Большие силы не могут остаться незамеченными.

Но подполковник Бурлаков надеялся на благополучное разрешение всей очереди вопросов. По крайней мере он просчитал, кажется, все возможные варианты развития событий, стократно изучил все данные разведки и осведомителей о силах бандитов и готов был ко всякому неожиданному повороту. На каждое нестандартное решение противника Александр Григорьевич готов был ответить своим стандартным ходом. А нестандартное решение только тогда выигрывает, когда против него вовремя не выставляется стандарт…

* * *

Уже больше полутора лет прошло с тех пор, как подполковник Бурлаков вместе с подчиненными ему солдатами бригады принимал участие в испытаниях вертолета «Ночной охотник». Тогда радовались, потому что ожидали поступления в спецназ ГРУ, как и было обещано, полутора десятков этих великолепных машин. Обещания до сих пор сохраняют, как говорят, свою силу. И даже вроде бы поговаривали, что один вертолет из обещанной серии уже поступил на вооружение. Но сколько Александр Григорьевич при случае ни разговаривал с офицерами разных бригад спецназа ГРУ, ни в одной такой техники нет. Куда он поступил – непонятно. И когда поступят остальные, понятно еще меньше. Впрочем, при нынешнем министре обороны с устоявшимися замашками налогового полицая, привыкшего считать чужие деньги и плохо спать, когда у кого-то они есть, надеяться на хорошее было трудно и оставалось только терпеть. К счастью, правители и правительства в сравнении с армией и страной в целом не вечны, и когда-то могут прийти к власти люди, о стране заботящиеся не только при телевизионном выступлении.

Об этом подумалось, когда летели в стареньком шумливом вертолете с давно отработанным полетным ресурсом. Уж слишком сильно вибрировал корпус

вертолета, и слишком шумел двигатель. Еще подумалось, что когда Александру Григорьевичу позвонят, чтобы передать данные управления космической разведки по прослушиванию разговоров Артема Тамарова и Бессариона Мерабидзе и по контролю за их передвижениями, осуществляемому спутниками по sim-картам мобильников, то подполковник Бурлаков может почти ничего не услышать.

И как только он подумал об этом, в чехле подала голос трубка…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

– Вода у нас теперь есть… – Артем Василич, булькнув содержимым, протянул грузинскому подполковнику фляжку. А сам на ходу рассматривал карту в планшете. – Можешь не экономить. Выпей половину, половину – мне… Пройдем на ту сторону, в ручье пополним запас… Принимай правее. Перед высокой травой тропа заминирована, а на выходе «растяжка» стоит. Мину обходим – и снова на тропу. Лишнюю прокладывать ни к чему… Ты пей, пей…

– Я от жажды никогда не страдаю, – сказал Мерабидзе, – организм так устроен. Вот перекусить, честно говоря, не отказался бы. Без еды сил нам хватит ненадолго.

Тем не менее к фляжке он припал жадно. Но больше половины все равно не выпил. Аккуратный. И вернул фляжку Тамарову. Тот допил все до последней капли, которую, не останавливаясь ни на шаг, просто вытряс в открытый рот.

– Там был сухой паек. К обеду приготовлен. Я не стал брать…

– Почему? – не понял Бесо. – Надо было…

– Чтобы показать следакам – здесь нападал не голодный, значит, это не мы… Косвенные подсказки… Или ты хочешь, чтобы смерть «крапового» тоже на нас

записали?

Тамаров посмотрел строго и сердито.

– Ты, Василич, убил его? – спросил грузинский подполковник с недоверием.

– А что прикажешь с ним сделать? Ждать, когда он первым очередь даст? – Артем Василич потряс автоматом. – Он слишком рано меня увидел… Но в этом не моя, а его беда… Излишне глазастые долго не живут…

Такая многозначительность и расплывчатость внешне красивой, но пустой фразы давала почву для воображения, и при этом ничего конкретного, детализированного не говорила. Но Тамаров по своему опыту знал, что подобные фразы впечатление производят.

– Ножом? – спросил Бесо, желая все же подробности выяснить.

– У меня нет ножа. Я даже его нож забирать не стал, потому что к ножам равнодушен. Нож руки занимает. А я люблю руки иметь свободными. Он как раз ко мне повернулся. Пришлось ударить сначала так, чтобы развернуть, потом, чтобы убить…

– Как? – не понял Бессарион. – Кулаком?

– Кулак беречь надо. Он слишком часто ломается. Основанием ладони. Предельно резко. Под основание черепа. Перелом основания черепа. Смерть через пару часов. Пока без сознания. И в сознание не придет… Правда, он как раз пить собрался. Фляжку поднял и голову запрокинул. В таком положении и оборачивался. Я когда в первый раз ударил, он голову еще сильнее запрокинул. Мог под основание черепа не попасть. Но по затылку удар тоже хороший. Если не убил, то счастье оказалось, стало быть, на его стороне. Да и я этому только рад буду…

Короткие рубленые фразы, сказанные под шаг, звучали эффектно. Так говорить может только специалист, в котором не приходится сомневаться.

– Главное, карту взяли, – сам себя похвалил Артем Василич. – Иначе на тропе запросто можно было бы на мину нарваться. «Краповые» мины ставить умеют лучше боевиков. Заметишь, только когда руками, как крылышками, махать начнешь – в воздухе… И все посты здесь же, на карте… Добавим хода… Возможно, скоро смена часовых… Тогда сразу будет объявлен широкий поиск… Я не люблю бегать, когда можно не бегать…

Они пошли быстрее, обходя сопку по той стороне, что не видна с дороги, обошли стороной заминированный выход на тропу, потом все же на тропу вышли и по ней пересекли низинку, чтобы снова по склону подняться на следующую сопку. Поднимались опять, как и спускались, не напрямую, а по склону, противоположному дороге и постам на дороге.

– Все. Мы уже в Чечне.

– Теперь легче…

– Теперь труднее…

– Зато уже ближе.

– Расстояние – это не критерий. Ноги поломать можно и на дистанции в два шага. Там, в Ставрополье, люди более расслабленно себя чувствуют. Здесь живут в напряжении. Ко всему готовы. И всегда внимательны. Кому покажем себя – на нас сразу внимание обратят. Соблюдаем скрытный режим. Идем… Сначала к ручью. Он за этой сопкой…

* * *

У ручья, напившись вдоволь и наполнив фляжку, отошли чуть в сторону, где отыскали подходящие для укрытия кусты и сели передохнуть.

– В желудке сосет… – пожаловался Бесо. – Сейчас даже тюремную баланду умял бы с удовольствием. Вторые сутки пошли…

Тамаров привстал и нарвал с куста горсть темно-красных и даже слегка синеватых некрупных ягод. Засыпал себе в рот, жутко поморщился, но

разжевал. Вторую горсть нарвал для грузинского подполковника.

– Это волчья ягода… – с отвращением сказал Бесо. – Отравимся…

– Это тоже жимолость, но не «волчья ягода»… Волчья ягода краснее. После этой язык слегка распухает, во рту щиплет. Но голод полностью проходит… Попробуй… Только не по одной ешь, а сразу все.

Бессарион подумал, вздохнул и решился. Засыпал ягоды в рот и разжевал, изображая лицом адовы муки. Процесс длился долго. Но и он благополучно закончился. Грузинский подполковник долго к себе прислушивался, словно ожидал смертельных колик в желудке. Ощущения какие-то были, не совсем приятные, судя по его лицу, но вовсе не смертельные.

– Говорить трудно. Язык, как чужой… – сообщил он, наконец. – Тем не менее жить, кажется, будем… Молча…

– Тогда давай молчать… И вообще уже пора в…

Артем Василич оборвал себя на середине фразы и поднял подбородок, таким жестом показывая, что он прислушивается. Глядя на него, прислушался и Бессарион. Со стороны, от ручья, доносились пока еще неясные звуки. Кто-то разговаривал, но слов разобрать было нельзя. И явственно шлепали шаги по воде.

– Двое и кто-то еще… – неуверенно прошептал российский подполковник. – Кто-то или что-то – не могу понять…

– Я слышал, собака у поста пролаяла. Когда ты уходил… – сообщил Мерабидзе.

– Хреново, если с собакой… У ручья берег мягкий. Мы проходили, следы оставили. Собака след возьмет. Дурак поймет, что след свежий…

Тамаров вытащил из кармана переговорное устройство. Он так и не выключал его, и большая тяжелая трубка издавала характерные легкие пощелкивания.

– Что делать будем? – тихо, едва шевеля губами, спросил Бессарион.

– Бежать бесполезно. От собаки не убежишь…

Грузинский подполковник промычал что-то нечленораздельное.

– Что ты?

– Василич, я собак с детства боюсь. Не умею с ними ладить, – признался Бессарион. – Если что, собаку на себя возьмешь?

– Возьму… – согласился Тамаров.

– А я людей…

– Их двое. Стрелять нельзя. Сразу поднимутся с места и всей толпой на хвост сядут. С «краповыми» такие шутки не проходят… Необходимо хотя бы несколько минут выиграть…

– Руками справлюсь. Без выстрелов. На себя отвлеки, я сзади зайду…

– Тяжела участь легкоатлета… – заметил Артем Василий мимоходом. Но ехидство в его голосе слышалось отчетливо. – Договорились.

– Первый, Первый, я Шестой… – донеслось из «переговорки».

Голос звучал взволнованно и торопливо.

– Я – Первый, слушаю…

– Два человека пересекли ручей. След свежий. Только что прошли. Кучум след берет, готов к погоне…

– Спускай… Высылаю пару человек в помощь…

– На машине… Здесь «уазик» пройдет…

– Где вы?

– От дороги двести метров. Пересекли ручей…

– Ждите. Машина догонит…

– Мы преследуем…

– В случае опасности стрелять на поражение… Только не перестарайся. Вдруг местные… Зря не стрелять.

– Понял… Охота началась, – ответил Шестой чуть не со щенячьим восторгом. Заядлым и азартным, наверное, был охотником.

Беглецы переглянулись и кивнули один другому. Тамаров показал рукой, куда отойти Мерабидзе, чтобы не встретиться с собакой и иметь возможность невидимым сделать петлю, чтобы зайти погоне за спину. И сам мысленно «прогнал» в голове ситуацию.

Вообще-то, обучение борьбе с нападающей собакой Артем Василич проходил. Сначала теоретически, потом дали возможность в специальном костюме отработать способы защиты на практике, но собаки для тренировок были рабочими, и убивать их было нельзя. Потому тренировки были половинчатыми, хотя в теории все было понятно. Главное – заставить собаку атаковать выставленную вперед и согнутую в локте руку. Как правило, большинство собак атакуют ту часть тела, которая находится к ним ближе всего. И большинство собак атакуют в прыжке. Следовательно, и прыгать они будут именно так, чтобы схватить за руку, обычно выставляемую инстинктивно. По крайней мере все немецкие овчарки делают именно так. Но во время тренировок Тамарову пришлось столкнуться со стремительным, несмотря на гигантские размеры, алабаем[9 - Алабай – среднеазиатская овчарка, туркменский волкодав.]. У алабая, которому в естественных условиях, при защите стада от волков, приходится самостоятельно принимать решения чаще, чем это доводится делать немецкой или восточно-европейской овчарке, сообразительности и изворотливости больше. И, видимо, уже несколько раз столкнувшись с выставленной вперед рукой, тот алабай способ атаки переменил и под рукой атаковал в пах. Тамарова спас только защитный костюм. Но алабая из-за высокого роста трудно приучить ходить по следу. А здесь собака взяла след.

Скорее всего это простая овчарка. Но ждать осталось недолго. К сожалению, ничего не оказалось под рукой, что можно было бы на предплечье намотать. Значит, придется терпеть и боль, и неизбежную рваную рану…

Собака бежала яростно, и слышалось ее хриплое дыхание. Но она не ломилась сквозь кусты, и потому треска со стороны ручья не доносилось. Артем Василич приготовился…

Овчарка вынырнула из-за кустов как раз там, где он и ожидал, и двигалась чрезвычайно стремительно. Была она небольшой по размерам, но достаточно быстрой. Выставив перед собой согнутую в локте левую руку, умышленно жертвуя этой рукой, подполковник Тамаров словно бы дал команду. Овчарка прыгнула и вцепилась в руку. Чтобы избежать рваного ранения, одновременно с прыжком Тамаров слегка подал руку вперед, вбивая предплечье в пасть как можно глубже, при этом стоя в упоре на правую ногу, чтобы собака не сумела сбить на землю, где с ней бороться будет трудно. Но борьбы и не произошло. Когда-то полученный навык, пусть и не отработанный в завершающей фазе, сказался, и в момент, когда на раздумья времени не было, сработал автоматизм. Левая рука, в которую собака вцепилась – и отцепиться еще не успела, – подалась вперед, задирая отважному животному голову, а правая рука тут же сделала крепкий захват за шею. Одновременный рывок двух рук навстречу, и раздался хруст. Шея сломалась без особых усилий. Собака умерла, только чуть-чуть удивленно взвизгнув.

Тамаров хотел было отскочить в кусты, чтобы не сразу попасться на глаза бегущим следом за собакой «краповым», но они оказались парнями тренированными, бегали быстро и увидели его раньше, чем он успел спрятаться. Бежать в такой ситуации – значит, вызвать на себя две одновременные автоматные очереди и не дать возможности Бессариону вступить в дело. И потому Артем Василич остановился, спокойно глядя в приближающиеся к нему стволы.

Крепкие парни в краповых беретах остановились в трех метрах. Но если сразу стрелять не стали, значит, собираются захватить живым. Впрочем, это была, видимо, первая реакция. Вторая последовала после того, как один из них, тот, что помоложе, труп собаки увидел.

– Кучум!..

Это был и зов, и приказ поднять голову, и истеричный вопль одновременно… Но с первого взгляда ясно было, что Кучум лежит в такой позе, в какой живой собаке лежать было бы предельно трудно. Глаза «крапового» начали наливаться кровью, и ствол автомата стал медленно подниматься, грозясь разразиться истеричной очередью. А Бессариона видно не было. У Тамарова даже мысль мелькнула, что грузинский подполковник бросил его и постарался выиграть время, чтобы самому успеть скрыться. Без собаки найти его будет уже не так и просто. Но Артем Василич привык на себя полагаться в большей степени, чем на кого-то другого, и смотрел «краповому» кинологу в глаза. Глаза всегда выдают последний момент перед тем, как указательный палец сожмется, сдавливая спусковой крючок. И у опытного человека есть возможность воспользоваться этим уловимым моментом и совершить резкий рывок влево. Ни на мгновение не ошибиться, не раньше и не позже, но строго в нужный момент. И именно влево, потому что влево же при стрельбе отбрасывается и автоматный ствол. А поскольку для Тамарова и «крапового» левые стороны – это противоположные направления, рывок влево может оказаться спасительным.

Ствол поднимался… Он грозил своим черным глазом… И готов был к тому, чтобы вместе с огненным мазком выбросить из нутра автомата стремительную и неуловимую для глаза смерть… Но подняться даже до уровня живота подполковника Тамарова ствол не успел. Звук был впечатляющим: что-то закрыло лицо «крапового» кинолога, потом что-то хрустнуло, и сам кинолог завалился вбок на товарища от удара сзади ногой в голову. А когда на тебя падает товарищ, его инстинктивно не отбросишь в сторону, а постараешься поймать и удержать. Бессарион просчитал, видимо, этот вариант и успел после удара сделать широкий шаг, произвести маховое движение второй ногой, как циркулем, и обрушить каблук на затылок второго «крапового» до того, как тот успел освободить руки и поднять автомат. Ногами грузинский подполковник работал красиво и эффективно. Совсем не как легкоатлет. Впрочем, времени для выяснения спортивного профиля компаньона им отпущено не было – со стороны слышался нарастающий шум двигателя торопящейся машины, уже преодолевающей ручей. Однако захватить автомат Бессарион успел, и, повинуясь жесту Тамарова, устремился к небольшому скоплению крупных камней, за которым можно было бы укрыться.

«Уазик», при всей его проходимости, тоже должен ехать по траве или по мелким кустам, стараясь не подпрыгивать на камнях. Да и ехал он, кажется, слишком быстро, чтобы рисковать в каменное скопление заскакивать.

– Шестой! Шестой! Где ты? – донеслось из кармана российского подполковника и одновременно с поляны, где пара «краповых» еще в себя не пришла, чтобы ответить.

Спрашивали, должно быть, из машины. Переговорное устройство доносило усиленный громкоговорителем звук двигателя, который перемешивался с обычным эфирным треском.

Тамаров вытащил свою «переговорку» и передвинул переключатель в режим разговора.

– Левее берите… Чуть-чуть левее…

Машина послушно выполнила команду, не понимая, откуда она прозвучала. Артем Василич снова щелкнул переключателем, выходя из разговорного режима, но оставаясь в режиме прослушивания.

– Заходим с двух сторон, – распорядился вдруг Мерабидзе. – Каждый – по удару… И в машину… Без машины нам не уйти…

Тамаров кивнул согласно. Он сам думал о том же. И сразу выбрался из-за камней и стал пробираться к поляне, не поднимаясь в полный рост. Но и за напарником посматривать не забывал. И видел, как ловко, умело тот пользуется каждым прикрытием, как профессионально перебегает от куста к кусту и, где нужно, просто перекатывается. И этот человек называл себя агентом-аналитиком? Что же тогда могут делать грузинские спецназовцы!..

«Уазик» проскочил через кусты, с треском сминая недавнее укрытие беглецов, и резко остановился. Водитель вынужден был нажать на тормоз на полной скорости, чтобы не наехать на тела лежащих без движения своих же бойцов. Из машины выскочили двое – водитель и боец, оба «краповые». И замерли над распростертыми телами. А замирать не следовало. Следовало сначала территорию вокруг проконтролировать и продолжать ее контролировать в дальнейшем. Вообще, один должен был заняться оказанием помощи, а второй с автоматом в руках должен был следить за безопасностью. Это Тамаров отметил профессионально и решил, что за такое небрежение следует наказывать жестко. Он первым оказался рядом со своим противником. И удар нанес без раздумий стволом автомата в горло, заставив бойца согнуться и предложить

свой затылок для продолжения сценария. И, согласно классическому варианту сценария, последовал резкий удар локтем по затылку. Этого хватило. Бессарион по-прежнему предпочитал бить ногами, хотя теперь ударил с другой техникой – в высоком горизонтальном прыжке выстрелил ногой в затылок, добавляя к удару вес собственного тела. И, не обменявшись ни словом, оба бросились к машине. За руль, как и в первый раз, сел Бессарион. С «уазиком» он справился даже легче, чем сутки назад с автозаком. И погнал напрямую через кусты и высокую траву, выдерживая направление примерно параллельно с дорогой. Тамаров держал в руках карту, чтобы машина не заехала куда-то в такое место, откуда будет трудно выбраться. Все-таки передвижение на колесах значительно сокращает время пути. И ноги бережет…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Кляпало» (блатной жаргон) – рот.

2

«Сто пять» – статья 105 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за умышленное убийство.

3

«Ходка» (блатной жаргон) – срок заключения.

4

«Тубик» – туберкулез.

5

Статья 275 УК РФ предусматривает наказание за государственную измену.

6

Статья 276 УК РФ предусматривает наказание за шпионаж в пользу иностранного государства.

7

Ярко-голубые просветы имеют погоны офицеров ФСБ.

8

Скополамин – психотропный препарат, так называемая «сыворотка правды». Поражает на какое-то время участки мозга, отвечающие за речевые способности. Вызывает неудержимое желание болтать без умолку. Дело допрашивающего своими вопросами или репликами направить разговор в нужную сторону, чтобы добиться результата. Используется почти всеми спецслужбами мира, но ни в одной стране допрос под воздействием скополамина не считается в суде доказательством.

9

Алабай – среднеазиатская овчарка, туркменский волкодав.

Купить: https://tellnovel.com/samarov_sergey/v-gorah-poschady-net

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити